

Глава первая.

Стася.

— Пошел к черту, — цежу сквозь зубы, застегивая джинсы. Злость кусает позвонки, болью расплзается по закаменевшим мышцам. И жжение между бедер добавляет в коктейль еще и отвращение к самой себе.

— Только после твоего братца, — хриплый смех за спиной скручивает внутренности в спазме.

Застываю, дышу часто-часто.

Перед глазами плывет от слез. Не хватало еще опозориться перед этим ублюдком.

Выпрямляю спину, контролирую каждый вдох и выдох. Еще немного и все пройдет.

Еще немного.

Покачиваюсь и падаю на кровать за спиной. Муть в голове путает мысли, размазывает реальность. Тошнота застревает в глотке.

— Эй, ты чего удумала?! — гневный рев вспарывает туман в голове. Кто-то хватает за руку, трясет. Смотрю, но лицо перед глазами расплывается.

— Ты... — хриплю. — Урод...

— Неужели так повелось? — доносится сквозь гул в ушах.

Пытаюсь подняться, но все такое зыбкое, нереальное. Черт! Накачал все-таки какой-то дрянью, урод уколотый. Продышаться бы. Но где там. Шампанское льется на лицо. Я захлебываюсь. Закашливаюсь, пытаюсь отвернуться, спрятаться. Но он фиксирует меня, не позволяя закрыться. Смеется. Громко. И ненависть вспыхивает яростным огнем, придает сил. Изворачиваюсь, изо всех сил отталкиваю. Он отшатывается, с кривой ухмылкой смотрит, как я резко встаю. Чуть пошатываюсь, но стою на ногах. Отвечаю ему его же гримасой. Насмешка стекает с его лица.

Не замечаю, как в руке оказывается пустая бутылка. Любит игристое, сволочь. Бью бутылкой о спинку кровати. Та разбивается со звоном и остается в моей ладони «розочкой». Ухмыляюсь, отмечая, как бледнеет холеная рожа. Наступаю, не разрывая взгляда. Вижу, как в

серых бесцветных глазах прорывается нечто похожее на страх. Замираю на расстоянии вытянутой руки.

— Я не твои шлюхи обдолбанные, — чеканю каждое слово, не отпуская его взгляд, который то и дело норовит соскользнуть на руку с осколком. — Уговор был только на секс. Не смей мне свою дурь впихивать.

Он кривит губы в ухмылке.

— А то что? — страх растворяется, уступая место наглости и самоуверенности. — Убьешь? Кишка тонка.

— А ты проверь, — делаю шаг ближе.

— Не боишься?

Боюсь, еще как, но не признаюсь даже под пытками.

— За все надо платить, Удав.

Протягиваю свободную руку, и в ней тут же оказывается пакетик с белым порошком. Под пристальным взглядом Удава прячу наркоту в задний карман джинсов.

— Зря ты так, детка, — ухмыляется и меня коробит от того, что вспыхивает в его серых глазах. И это страшнее любых мук, что терзают мою душу, потому что этого извращенца не просто так прозвали Удавом: заглотит и не подавится ведь. И следующая его жертва — я.

Но я молчу. И так же молча ухожу на негнущихся ногах, спиной чувствуя опаляющую кожу похоть. Мне даже представить страшно, что этот ублюдок сделает со мной, когда я приду снова. А я ведь приду, потому что у меня нет выбора.

Захлопываю дверь квартиры и прижимаюсь к ней спиной. Тошнота гнилостным клубком скручивается в животе, сердце рвет грудную клетку, а в спину толкает одна мысль: «Бежать». И как можно скорее. Пока тот, кто сейчас стоит за дверью, позволяет мне побег. А если передумает?

И шрамы на запястьях вспыхивают огнем, рвут мышцы адской болью воспоминаний.

— Аська... — надломленный голос дребезжит в висках. Открываю глаза и встречаюсь взглядом с потухшими синими брата. Он стоит,

привалившись к стене плечом и обхватив себя черными от уколов руками, и смотрит на меня так, что меня выворачивает наизнанку.

Делаю шаг, и вся гниль оказывается на лестничной площадке в окружении элитных квартир. Сгибаюсь пополам, позволяя своему желудку раскрутиться из морского узла.

— Аська, ты чего?..

Дрожащие руки подхватывают, когда я оседаю на пол, оттягивают на ступеньки. Его ломает, он не находит себе места, раскачивается, а в глазах – ад, черный, беспросветный. И я знаю: то, что я делаю – не спасение вовсе, а лишь продление агонии. Но я ничего не могу изменить. Отдаю брату его дозу и спускаюсь вниз, ни разу не оглянувшись.

Июньское солнце слепит, несмотря на предзакатный час. Прикрываю глаза ладонью и только теперь замечаю, что по-прежнему сжимаю «розочку». Кривлюсь и выбрасываю ее, даже не глядя куда. Рукавом рубашки отираю рот, в котором словно сотня кошек нагадила. Сплеываю. Легкий ветерок забирается под полы мокрой рубашки, тербит закрутившиеся мелким бесом волосы, а взгляд выхватывает вывеску салона красоты через дорогу.

И желание делать назло толкает в спину. А в голове мысли о том, как Удав накручивает на кулак мои волосы, запрокидывает голову и запихивает мне в рот свой член. И как заставляет на него смотреть, вбиваясь в самую глотку. Тошнота нарастает горьким комком. В висках пульсирует эхо шлепков о мое лицо и искаженное в оргазме лицо Удава мутной картинкой перед глазами.

Дышать все труднее, но я упрямо иду вперед. Одного удовольствия я его сегодня лишу. И пусть это похоже на мелкую пакость, наказание за которую неминуемо и омерзительно — мне плевать. Все это будет завтра, а сегодня...звук клаксона и визг тормозов заставляют замереть на месте. Ноги прирастают к горячему асфальту. А я стою посреди дороги, даже не поняв, как вышла на самую середину, и наблюдаю, как на меня несется огромный внедорожник снежного цвета.

Смотрю. Стихают удары сердца. Смотрю. Губы растягиваются в улыбке. Смотрю. Удары все тише. А может, так и надо? Может, это и есть выход? Машину разворачивает боком. И я вдруг понимаю, что смерть — слишком большое удовольствие для этого уroda. И когда

бампер машины оказывается совсем рядом, шагаю в сторону. Еще и еще. Но каблук попадает в трещину на асфальте, нога подламывается, пронзая болью от лодыжки до самого бедра. Падаю, выставив вперед руки. Спину обдаёт жаром железного монстра. А я вжимаюсь телом в раскаленный асфальт и перестаю дышать. Пока кто-то сильный не выдергивает из собственного кокона.

— Эй, Русалка, жива? — Встряхивает, но как-то так аккуратно, словно опасается причинить боль.

От неожиданности распахиваю глаза, которые зажмурила, едва ощутила за спиной всю мощь внедорожника, и вязну в черном, как смоль, взгляде с отблесками закатного солнца. И это солнце в глазах реанимирует мое сердце, толкает его в пропасть. И я, кажется, падаю в эту пропасть вместе с ним. А незнакомец щурится, чуть склоняет голову на бок, словно диковинку разглядывает. И эта мысль отрезвляет, встряхивает из бездны непонятных эмоций.

— Все нормально, — почти шепотом отвечаю, мысленно ругая себя за непонятную слабость.

— Охренеть, — вдруг выдыхает он на мою реплику.

И его низкий баритон с мягкими переливами будто прикосновение: огладил щеку, коснулся губ, оставив призрачный след. Настолько осязаемый, что хочется им наслаждаться, как летним дождем, теплой влагой ласкающим кожу.

У Удава тоже приятный голос, обволакивающий. Глупая добыча ни за что не поверит, что этот голос — ее верная смерть. А какие комплименты он отвечает — девки разве что штабелями не укладываются у его ног. Впрочем, захоти он — любая силиконовая барби калачиком свернется и будет ждать ласки хозяина.

Гниль вновь поднимается со дна желудка. И я поджимаю губы. Вот же урод, и тут нагадил. Хотя я тоже хороша — чего так повело от мужика? Чего я там не видела? Все они одинаковые. И Удаву спасибо: вовремя вылез в мыслях.

— Отпустите, — прошу.

Но мужик и ухом не ведет, держит крепко. Смотрит так, будто ему мешок с золотом на голову свалился. Придурок какой-то.

— Да отпусти же ты! — почти кричу, когда он вдруг касается волос. Боль простреливает все тело. Дергаю головой, пытаюсь вырваться.

Извиваюсь и каблуком наступаю ему на ногу. Он хмурится.

— Да ради Бога, — фыркает спустя пару секунд, ослабляя хватку.

Покачиваюсь и тут же охаю от боли в подвернутой ноге.

— Проклятье, — ругаюсь, хватаясь за воздух, чтобы удержаться на здоровой ноге. Но вместо воздуха ловлю твердое, словно отлитое из камня, плечо незнакомца. Впиваюсь в него пальцами. Другой рукой хватаюсь за ворот черной рубашки. Та трещит и рвется. Но сильная рука уже прижимает к широкой груди с едва уловимым запахом фиалки и сандала. Терпкий, дерзкий и нереально нежный аромат. Им хочется дышать. В него хочется внюхиваться, открывая новые ноты, которых тут нереальная пирамида. Этим ароматом невозможно надыхаться.

— Охренеть, — возвращаю незнакомцу его же реплику и слышу, как он приглушенно смеется.

— Идем, осмотрим твою ногу, — продолжая улыбаться одними губами, говорит незнакомец, увлекая за собой. А в смоляных глазах — отблески кровавого солнца и ни тени веселья. Мурашки покалывают кожу, вызывая неконтролируемую дрожь. И я делаю робкую попытку выбраться из его хватки, куда так легко попалась.

— Да что ж ты такая неугомонная, — качает головой и ловким движением подхватывает на руки. Я взвизгиваю, вцепившись в мощную шею с пульсирующей артерией, и не успеваю опомниться, как оказываюсь сидящей на теплом капоте белого монстра.

— Алекс, глянь-ка, — бросает куда-то в сторону.

И я замечаю еще одного мужчину в джинсах и белой футболке: стоит спиной к нам и разговаривает по телефону. Но на слова незнакомца реагирует кивком и поднятыми пальцами в виде латинской буквы «V».

— Ладно, сами справимся, — теперь в его черных глазах искрится смех, задорный какой-то, мальчишеский. Как будто клад нашел, а не мою ногу взял в ладони. Вздрагиваю от холода, обжегшего кожу, и смотрю на его руки, затянутые черной кожей перчаток.

Смотрю, как он ловко и бережно ощупывает ступню, упершуюся ему в живот, щекочет пятку. И от его прикосновений поджимаются пальцы. Так...приятно.

— Больно? — заглядывает в мое лицо. Качаю головой. Но он, похоже, видит что-то другое, потому что его чувственные губы растягиваются в улыбке опытного искусителя. И это вышибает дыхание. Как и странное желание потрогать эти идеальные губы без единой трещинки, такие манящие...коснуться их своими губами, приласкать...

От разыгравшихся фантазий бросает в жар. Прикладываю ладошки к щекам и растираю их, изгоняя из себя эти неправильные мысли. Но они не отпускают. Как не отпускает цепкий взгляд.

— Фантазируешь, Русалка... — и не спрашивает даже, наклонившись ко мне, согнув мою ногу в колене и обжигая горячим дыханием. А пальцы изучают стопу, разминают, смешивая боль с растекающимся под кожей теплом.

— Думаю, — хрипло, поймав его дыхание губами. Слишком близко. Слишком опасно. Нервно облизываю вдруг пересохшие губы, ловя его тяжелый взгляд на кончике языка. И не без улыбки наблюдаю, как отточенным движением изгибается его рассеченная в двух местах бровь, предлагая мне договорить. — Твои пальцы такие же ловкие везде, Бэтмен?

— Хочешь проверить?

— Не в этой жизни, Бэтмен...

Улыбаюсь широко и одним движением отталкиваю его от себя. От неожиданности он отступает на пару шагов, а я пользуюсь моментом: спрыгиваю с капота, выругавшись от прострелившей ногу боли. Отшвыриваю туфлю и делаю ноги, засунув поглубже слезы от боли в вывихнутой лодыжке. Не оглядываясь. Подальше от этого места и мужика, вызывающего до одури пугающие эмоции. Прячусь во дворах, уверенная, что он не побежит за мной. И я не ошибаюсь: никакой погони, только выколачивающее дыру в груди сердце. Без сил падаю на лавочку на детской площадке. И в этот самый момент в кармане вибрирует телефон.

— Привет, кнопка, — звучит в динамике веселый голос. Внутри становится тепло-тепло. Откидываюсь на спинку лавочки и запрокидываю лицо к еще не отгоревшему закату. — Поплаваем сегодня?

В крови вскипает адреналин, когда я представляю, как уже сегодня погружусь под воду, наслаждаясь тем единственным, что мне

недоступно в душном городе — свободой. Но тут же настроение падает на пару градусов. Боль в ноге пульсирует под кожей, прожигает мышцы.

— Марик, я не могу, — вздыхаю, притянув к груди ногу. — Я ногу подвернула. Болит теперь, зараза, — морщусь.

— Не проблема, кнопка, — отзывается Марат. В трубке фоном какой-то шум, голоса, хлопок, а потом – тишина. — Ты где сейчас?

Осматриваюсь, выхватывая панельные пятиэтажки, окружившие серым полукругом небольшой двор, старые качели, поржавевшую горку, прогнившую деревянную песочницу с полным дерьма песком. Кривлюсь от омерзения. И как тут дети играют?

— Понятия не имею, — честно признаюсь и описываю Марату местность.

— Арка есть? — деловито интересуется он.

Арка прячется у меня за спиной.

— Я знаю, где это. Никуда не уходи. Буду через десять минут.

— Марат, не надо, — прошу с затаенной надеждой, что он меня не послушает. Сидеть здесь совсем не хочется, а домой с такой ногой я доберусь в лучшем случае к ночи.

— Надо, кнопка, надо, — в трубке раздается рев мотора. — Жди.

Он не обманывает: приезжает через десять минут, оглушая ревом мотора притихший двор. Зеленый байк медленно подкатывает почти к самой лавочке. Марат ловко спрыгивает со своего железного монстра, снимает шлем, из-под которого рассыпается копна белых, что облако, волос, и белозубо улыбается мне.

А мне становится тошно от того, какой он красивый, хоть сейчас отправляй на обложку модного глянца. Словно выточенное искусным художником лицо с синими глазами в облаке длинных ресниц, красивый рот и маленькая ямочка на подбородке. И я, жалкая, измаранная в чужой похоти и унижении. Сжимаю зубы и задираю голову в темнеющее небо.

— Ну-с, кнопка, чего стряслось? — Марат плюхается на лавочку рядом и толкает меня в плечо. — А где это ты так изгваздалась? — подбрасывает пальцами мои волосы, спутавшиеся от сладкого пойла.

Дергаю плечом, давая понять, что его прикосновение причиняет боль. Марат резко поднимается на ноги и нависает надо мной, ловя мой взгляд.

— Что случилось-то, я не понял, — хмурится и между тонких светлых бровей залегает морщинка.

— Упала, — со вздохом признаюсь.

— А обувь где? — усмехаясь.

— Потеряла, сбегая от принца, — язвлю.

— Найдет, не переживай, — продолжает веселиться Марат. — У тебя же не туфли, а произведение искусства.

Он прав. Бывает со мной такое и я делаю черте что из старой обуви: расписываю гуашью, расклеиваю всякой чепухой вроде папиных бриллиантов, которыми он откупается от непокорной дочери. Марат называет это искусством, а я поводом сбежать от реальности. Но сегодня на мне были самые обычные туфли на десятисантиметровой шпильке, подаренные Удавом. Есть у него фетиш – женские ноги. На мои он предпочитает смотреть, когда они упакованы в каблуки. Впрочем, не только смотреть и не только на ноги. При мысли об Удаве становится горько во рту, и я ненадолго зажмуриваюсь, изгоняя липучие мысли.

— Марик, — протягиваю с теплом, разбавляя тошноту лукавством в синих глазах. — Ты — чудо.

— А ты сомневалась?

Смеюсь. Впервые за этот длинный день. С ним я отчего-то всегда смеюсь. А он смешит с удовольствием. А еще учит меня дайвингу и иногда водит в кино на старые фильмы. И ничегошеньки обо мне не знает, даже настоящего имени. Но я привыкла считать его другом.

Шутливо толкаю его в грудь, когда он в наигранной самовлюбленности вскидывает голову и пятерней зачесывает на затылок растрепавшиеся по плечам волосы.

— Так что там с принцем и ногой?

Продолжая веселье, но во взгляд уже прокрадывается тревога.

— Шпилька подножку сделала, — и ладонями показываю высоту каблука.

Марат присвистывает от удивления. Он-то знает, что не ношу я такие ходули. А я им рада, как никогда, потому что по ним ни за что не отыскать меня. Тот чертов брюнет с солнцем в глазах не найдет. И что-то подсказывает мне, что будет искать.

— На свидание ходила, — с легкостью вру.

— Судя по твоему виду – не удачно, — резюмирует он и достает из кармана мобильный телефон.

— Марат? — настораживаюсь.

— Покажу твоё копытце, Золушка, доктору, — снова перейдя на шуточный тон.

А я вся подбираюсь, готовая снова бежать.

— Эй, ты чего перепугалась, кнопка? Докторов боишься? — истолковывает по-своему мое побледневшее лицо и лихорадочные попытки наметить пути побега.

Киваю, судорожно сглотнув.

— Не дрейфь, подруга, — и шуточно щелкает по носу, — это не просто доктор. Волшебник. И мой крестный.

Теперь в моих глазах немое удивление.

— Он меня по кусочкам собрал два года назад после аварии, — признается, почесав затылок. И снова волосы пятерней зачесывает назад. — Никто не верил, что у него получится. Даже я, — кривит губы в усмешке. — А у него вот видишь, — разводит руками, — получилось. Так что не бойсь, он тебя не съест.

И действительно, чего я так перепугалась? Марат не обидит, точно знаю: проверен сотню раз. А врачу показаться надо и лучше не семейному. Киваю Марату, соглашаясь с его доводами, и он звонит своему доктору. Но за время самого обычного и короткого разговора, я ощущаю странное беспокойство: сердце заполошно рвется в груди, и внутренний голос просто вопит передумать и поехать домой.

Только Марат не оставляет шансов, подхватывает на руки, бормоча под нос о вреде алкоголя, и усаживает на свой байк. А я ловлю себя на мысли, что Бэтмен ни разу не скривился и ничем не выдал, что выгляжу я дерьмово, и алкоголем несёт от меня, как и сексом, за версту. Странно. Но все мысли быстро выветриваются скоростью и обжигающим вечерним воздухом.

А через полчаса, когда мы подъезжаем к дому на утесе, у ворот которого припаркован белый внедорожник, что едва не раскатал меня по асфальту, понимаю, что интуиция впервые сработала на отлично. А я снова попалась.

Дорогие мои!

Как и обещала, начинаю новую историю. Она обещает быть сложной, местами даже драматической. Но главное, это история о любви одной маленькой женщины. История ее непростой судьбы.

И я очень надеюсь, что история вам понравится.

Приятного чтения!

С теплом, ваш Автор :)

Глава вторая.

Стася.

Вжимаюсь в дерево, у которого притормозил Марик, и чувствую, как паника сковывает мышцы. Мысли, как тараканы, разбегаются по задворкам черепной коробки, лишая здравого смысла. Я просто смотрю на белоснежного монстра и боюсь. Впервые в жизни боюсь так, что дышать больно.

Даже когда впервые шла к Удаву – не боялась. Тогда я не испытывала ничего, кроме злости. Не боялась я и когда он грубо разложил меня на столе, с извращенным наслаждением требуя, чтобы я показывала ему себя. Ничего не чувствовала, кроме омерзения, когда он своим членом рвал меня сзади, а потом заставлял слизывать собственную кровь. Позднее пришла пустота. Каждый раз выходя из той проклятой квартиры, мне хотелось только одного – умереть.

...В тот вечер я оказалась на пирсе. Черное море бесновалось, разбиваясь волнами о холодный камень. Колкие брызги окатывали лицо. Ветер трепал волосы, путал и рвал их, в те минуты словно ненавидя их так же, как я. А я стояла на самом краю, раскинув руки, наслаждаясь тем, что у меня отняли много лет назад. Свободой. Такой пьянящей, сладкой. И ноги дрожали от удовольствия, заглушая все то мерзкое, что плескалось в моей душе.

Человека за спиной я почувствовала сразу. Не услышала, как он подошел, а именно учуяла. Как хищник чует добычу. И сердце

внутри больно ударились о ребра. Раз, другой, третий. Как будто кто-то толкнул его изнутри, заставляя биться. Выталкивая из опустошенного нутра все поганые мысли. Он стоял совсем близко: высокий, сильный. Спинным мозгом ощущала жар его тела и горький аромат парфюма. Он не пытался меня коснуться или заговорить. Просто стоял, обдавая меня своей необузданной энергией, которая выплескивалась в его запахе: диком, стремительном и вместе с тем успокаивающим. Этот незнакомец, лица которого я так и не увидела, вдохнул в меня то, что я искала: желание бороться и быть свободной.

Я шла за ним следом, босыми ногами увязая в песке. Шла во мраке сгущающейся ночи, пытаюсь запомнить его твердую походку, широкий разворот плеч. Не отставая и не нагоняя. Чувствуя странную эйфорию, как будто глотнула воздуха после удушья. Улыбаясь впервые за много месяцев и напевая: «А нам все равно, а нам все равно...»

Он свернул за угол дайвинг-клуба, а я столкнулась с Мариком...

Обжигающий порыв ветра заставляет зажмуриться и сильнее вжаться в шершавый ствол, обхватив себя руками.

— Марик, я не пойду, — шепчу, тряхнув волосами, тут же рассыпавшимися по плечам. Резкий винный запах шибает в нос. Морщусь. Куда я в таком виде? Нога распухла, джинсы перепачканы, волосы в шампанском, да и я сама...вымыться бы.

— Не понял. Кнопка, я тебя не узнаю, — придвигается ко мне, ладонями упершись в дерево выше моих плеч. — Где та смелая девчонка, что с акулами плавала, а?

— Утонула в Тихом океане, — вздыхаю, как о безвозвратной потере.

— Головой не приложилась, не? — пропуская мимо ушей мою реплику, прикладывает ладонь ко лбу. Я резко откидываю голову назад и больно ударяюсь затылком о ствол. Шиплю, закусив губу. А Марик сочувственно качает головой, но в его глазах искрится смех.

— Точно, приложилась. Поди еще и солнышком напекло.

— Ночь уже на дворе, — и словно в унисон моим словам застрекотали цикады.

— Вот именно: ночь на дворе, а ты выпендриваешься, как принцесса на горошине, — теперь он сердится. — Вот не сможешь ходить, что я Захару скажу? Он с меня три шкуры сдерет.

Захар Зорин — мастер спорта по дайвингу и владелец клуба, где я тренируюсь, — ребят гоняет в хвост и в гриву, разлада дисциплины не терпит, но ко мне относится как-то по-отечески. И единственный из всех ребят-спортсменов знает обо мне если не все, то родословную точно.

— Марик, ты преувеличиваешь, — морщусь, неудобно поставив стопу, тут же вспыхнувшую огненной болью. — Ты же не виноват, что все так случилось. Только я и эти чертовы каблуки.

— Как будто ты Захара не знаешь, — не уступает Марат.

Знаю. И знаю, что достанется по первое число не только Марату, но и мне, несмотря на всю чемпионскую доброту Зорина. Вот только страх, тугим узлом скрутившийся в солнечном сплетении, перевешивает все здравые аргументы.

— Я не пойду, Марик, — упрямлюсь, вцепившись пальцами в кору дерева.

— И не надо, — соглашается он, чтобы спустя мгновение одним неуловимым движением подхватить меня под коленки и перекинуть через плечо.

Я не визжу, не брыкаюсь, даже укусить этого говнюка не пытаюсь — а смысл? Я что назойливый комар, только дискомфорт доставлю, но Марата не остановлю. Такую грудку мышц остановит разве что грудка мышц втрое больше. А я, увы, ему и до плеча не достаю, что уж говорить о комплекции. Поэтому я просто вишу вниз головой, каждой молекулой ощущая липкий и противный страх.

— Что это ты притихла, кнопка? — настораживается Марат.

— Настраиваюсь на встречу с тем, кто меня едва не переехал, — выдыхаю, поморщившись от неприятной тяжести в животе.

— Даже не пытайся, кнопка, — хмыкает Марат и ногой толкает, судя по всему, калитку. — Я на твои байки не куплюсь. Знаем — плавали.

Вздыхаю. Надо же, впервые говорю правду, а мне не верят. То ли ложь выходит правдивее — не пойму.

— А если скажу, что влюбилась в твоего доктора, а?

Марат прыскает со смеху, шагая по узорной плитке дорожки, ведущей к дому.

— Тогда поработаю Купидоном, — возвращает он мне игривым тоном. — Привет, Алексей Николаевич, — вмиг посерьезнев, хотя в голосе чувствуется тепло. Так, пожалуй, сын может разговаривать с отцом. С любимым отцом. И от этой теплоты тянет улыбаться. Даже страх затаивается, скрючившись на кончиках пальцев вывихнутой ноги.

— Здравствуй, Марат, — хриплый голос успокаивает. И я точно знаю — он принадлежит не тому, встречи с кем я так до одури боюсь. — Что ж ты так с девушкой...не бережно? — мне кажется, или я слышу смех?

Пытаюсь задрать голову, прогибаюсь в пояснице, чтобы хоть немного рассмотреть того, кого Марат называет Алексеем Николаевичем, и вижу перед собой высокого широкоплечего bruneta в светлых брюках и белой футболке. Он стоит на крыльце, скрестив на груди руки и с улыбкой смотрит на нас. Станный мужчина с мягким светом в темных глазах. Его видно даже в неверном свете фонаря, что освещает крыльцо. Этот не причинит вреда.

— Вредная потому что, — отвечает Марат, удобнее перехватив меня за попу, отчего я невольно вздрагиваю, тут же превращаясь в туго натянутую струну.

— Руку убери, — цежу сквозь зубы. Злость закипает в венах, поднимая к горлу тошноту. — Марик... — но Марат что-то увлеченно рассказывает доктору и явно меня не слышит. А я скольжу руками по его спине, дергаю ногами, пытаюсь хоть как-то привлечь внимание Марата. Стучу кулаком, не в силах и звука произнести из-за горького комка в глотке.

А в висках пульсирует елейный голос Удава...на коже горят следы его ладоней...и все нутро скручивает от омерзения. Воздуха не хватает. Хватаюсь пальцами за горло, пытаюсь выдрать изнутри хоть немного кислорода. Но его нет. И перед глазами плывет.

— Марик... — сиплю.

— Отпусти, — доносится до меня сквозь голос Удава.

Кто-то перехватывает меня из рук Марата и я вижу его беспокойные глаза. Зажмуриваюсь и зажимаю уши ладонями.

— Не трогай...отпусти...отпусти... — шепчу как заведенная, изгоняя из себя этот мерзкий голос. Рву волосы, царапаю кожу, стирая с себя

засосы и синяки.

— Не трогаю! — рвет паутину бреда низкий баритон. — Вот смотри!

Я распахиваю глаза и вижу перед собой словно высеченное из камня напряженное лицо: острые скулы, желваки ходят от злости, хищный прищур, не сулящий ничего хорошего, — и вскинутые вверх ладони в кожаных перчатках.

— Видишь, Русалка, — говорит он, гипнотизируя своим смоляным взглядом, тяжелым и пронзительным, что рентген, — я не прикасаюсь к тебе. Видишь?

Киваю, ощущая, как по спине катится пот.

— И никто не прикоснется, пока сама не позволишь, — добавляет мягко и глухо, чтобы слышала только я.

И напирает, требует ответа, даже не озвучив ни единого вопроса.

А я могу только дышать: рвано, как после километрового кросса. И смотреть в эти бездонные глаза с отражением собственного страха. Смотреть и тонуть в непроглядной черноте.

Вязнуть, как глупая муха в паутине. И впервые не пытаться выцарапать собственную свободу, с сумасшедшей жаждой смотря на того, кто сулит неминуемую гибель. И тянуться к нему, не в силах контролировать собственное тело. Наплевав, что рядом есть еще кто-то.

Просто коснуться его запястья, поймав рвущийся под кожей пульс. И не сдержать вдоха, когда по моей коже поползут мурашки.

В голове становится пусто: все исчезает, стертое одним прикосновением.

Это нечто, что невозможно описать словами. Даже чувствовать это больно.

Как будто сердце сжалось в одну маленькую пульсирующую точку.

Он сдавил его в своей ладони, сейчас сжатой в кулак. Еще чуть-чуть и оно либо лопнет, либо разломит надвое грудную клетку, с силой врезавшись в ребра.

Я делаю жадный вдох и веду пальчиками по линии жизни, прячущейся под перчаткой, к середине ладони. Касаюсь его сжатых пальцев и разгибаю каждый мягко, бережно, страшась сломать и свое

сердце, которое почему-то колет, как онемевшая конечность.

Судорожно бьется, набирая силу с каждым разогнутым пальцем. Возвращая ясность мысли и расправляя легкие.

И в эту секунду, когда в груди толкается сердце в унисон пульсу на мужском запястье, я ощущаю, как там, где дышат легкие – раскрываются крылья долгожданной свободы.

Но эйфория длится недолго. Мир, вдруг разукрасившийся нереально яркими красками, бледнеет, расплывается. И черный взгляд с вспыхнувшей тревогой исчезает в темноте ночи. Я трясую головой, ничего не понимая. Ладонью тру глаза, но тщетно. Темень, непроглядная, непроницаемая, никуда не исчезает. И паника снова накрывает липкой трясинной.

— Тихо, — властный голос рождает табун мурашек. Я замираю и даже, кажется, перестаю дышать, когда лица касаются чьи-то пальцы. На удивление теплые, хоть и затянуты кожей перчаток. Бэтмен приглушенно матерится, крепче сжав мой подбородок. — Алекс! — вздрагиваю от того, сколько ярости в одном слове. Снова тянусь к глазам. — Не смей! — приказывает Бэтмен. И снова чьи-то пальцы держат подбородок, мягкие, но сильные, и совсем другие. Перед глазами вспыхивает слабая точка света. Невольно морщусь.

— Что принимала? — спрашивает Алексей Николаевич. Мотаю головой, а сама прислушиваюсь к тихому голосу Бэтмена, пропитанному холодной и настолько осязаемой яростью, что мне кажется – ее можно коснуться. Поймать за кончик и смотать в тугой клубок, как нитку.

Фыркаю. Закрываю глаза. Со мной явно что-то не так. Тру виски, пытаюсь привести мысли в порядок. Но какое там! Внутри такой сумбур, что от нелепости возникающих образов хочется и смеяться, и рыдать навзрыд.

— Ася, — зовет кто-то. Я пытаюсь сосредоточиться на голосе, хриплом, как будто его обладатель долго болел ангиной, но ничего не выходит. Он пружинит, перекачивается эхом, словно заключенный в стеклянную клетку. — Ася, посмотри на меня, — голос настойчив, как и пальцы, горячие, обжигающие, обхватывающие подбородок, поворачивающие мою вдруг ставшую нереально тяжелой голову. Сталкиваюсь с черным взглядом. Он полыхает, вынимает душу. И я

теряюсь в нем, вязну, как в смоле, раскаленной, плавящей.
Задыхаюсь. Деру горло в кровь, заставляя дышать. Вдыхаю. Но кислорода нет. Ничего нет. Только пустота. Холодная, дикая, ревущая сотней голосов. Озираюсь по сторонам, ощущая, как паника сковывает ледяными цепями позвоночник. Вокруг никого. Но я слышу голоса. Иду на них. И страшно до дрожи в коленках, что не успею, не дойду. Что люди исчезнут.

— Подождите... — срывается хриплое. — Не уходи. Не бросай меня.

— Тссс, — шепот в самое ухо заставляет застыть на месте. — Я держу. Я не брошу.

И вдруг вижу, как чьи-то пальцы переплетаются с моими. Я смотрю на эти пальцы, затянутые перчаткой, и вцепляюсь в них с такой силой, что кожа трещит под ногтями. Держусь, страшась отпустить. Потому что знаю – разожму и упаду, исчезну в этой гулкой пустоте, смеющейся сотней голосов.

— Только не отпускай... — шепчу, как заведенная, не выпуская руки.

— Только не отпускай...пожалуйста...

— Не отпущу, — эхом в голове.

Я открываю глаза и несколько секунд тупо смотрю в светлый потолок. Бред. Всего лишь бред. Какой же дрянью накачал меня Удав? В висках стучат сотни молоточков, губы пересохли и все тело ломит, словно в лихорадке. А по потолку бегают черные тени, а где-то совсем рядом шумит дождь. Барабанит по стеклу, подыгрывая отчаянному соло ветра.

Поворачиваю голову и натываюсь взглядом на мужскую спину в шелке синей рубашке. Чуть сутулая фигура, сцепленные за спиной пальцы с золотой печаткой.

— Папа... — и каждый звук по горлу, как наждачной бумагой дерет, счесывая до крови.

Отец оборачивается и в его усталом взгляде вспыхивает злость, которая тут же тухнет под натиском рвущего в клочья разочарования.

— Папа... — повторяю, чувствуя себя загнанным в капкан зайцем: двинешься – хребет переломает.

Отец качает головой, старательно избегая моего взгляда. И боль разламывает грудную клетку, пересчитывает ребра, с громким

хрустом ломая каждый. Этот противный звук забивается в уши, резонирует в затылке, мешает думать. Отворачиваюсь, пальцами вцепляясь в матрац под собой, комкаю простыню, а взгляд ловит капли лекарства, стекающие по тонкой трубке капельницы. Рядом нет никого и ни единой кровати, кроме моей, хотя я уверена – лежу в больнице. Но вот как сюда попала, и как отец узнал, где я – ума не приложу. А спросить нет сил. Только пересчитывать падающие в системе капли.

— Я просил присмотреть за братом, а не ловить кайф самой, — цедит отец, разрывая тишину. — А ты...

А ты стала наркошей, вот что читается в его презрительном взгляде и так не срывается с его языка.

Ухмылка кривит губы.

— Печешься за свою репутацию? — хриплю, с каким-то извращенным удовольствием наблюдая, как ходят желваки от злости и как его глаза щурятся от едва сдерживаемой ярости. Будь мы сейчас в другом месте – он бы не сдерживался. А так... репутация обязывает быть любящим папочкой с идеальными детьми. Вот только мы ничерта не идеальные. И это его бесит. — Раньше надо было, папочка. Когда трахал мою шлюхастую мамочку. Или когда купил меня за ящик водки.

Он дергается, как от удара. Сжимает кулаки и вдруг... улыбается широко, как будто только что выиграл в лотерею. Холод ползет по коже противными мурашками и липким потом. И каждая мышца в ослабленном теле каменеет, предчувствуя беду.

— Глупая, наивная девочка, — в его неожиданно смягчившемся голосе – обещание всех мук ада. А в пружинистом шаге – обманчивая легкость.

Лишь однажды я видела его таким, когда он едва не свернул шею моей матери. Остановился, напоровшись на меня, чумазую, с гордо вскинутой головой и ножом в руке. Хотя сейчас мне кажется, что остановила его вовсе не я, а нежелание мараться о такую шваль, как его бывшая любовница.

И вот сейчас он снова похож на того сорванного с цепи зверя из старой коммуналки и на безжалостного убийцу, о котором слагают

легенды в темных уголках нашего города, перешептывая их из уст в уста, предостерегая. Но люди...они такие люди...и вот мой отец уже метит в мэрское кресло, хотя и без него владеет целым городом.

А я вжимаюсь в больничную койку, из последних сил загоняя свой страх куда подальше, когда он приседает рядом и прижимает мою ладонь к своим губам.

И не отвожу взгляд, когда отцовский пригвождает к кровати. В глотке застревает колючий комок. Такой же бултыхается где-то в желудке, но я стискиваю зубы и до крови кусаю себя за щеку изнутри, отрезвляя. Заменяя противный страх острой злостью. А отец суживает глаза, с усмешкой наблюдая за моими эмоциями, и хочется верить, что на моем лице не отражается ни одной. «Свидания» с Удавом научили не только делать «покер-фейс», но и контролировать собственное тело, ведь Удаву не нравится, когда он не в состоянии доставить удовольствие. Оказывается, симулировать оргазм достаточно легко: немного практики, парочка шрамов и дикое желание отключиться от реальности. Играть в удовольствие даже интересно, если не думать, чей член долбит тело.

И отцовское презрение в тяжелом взгляде – никакая не проблема для меня. Я с легкостью выдерживаю и его мягкие поглаживания, словно он и правда пытается меня поддержать, как это происходит в нормальных семьях. Но мы ничерта не семья, так, отдельные особи, по нелепой прихоти моего брата живущие под одной крышей.

— Все будет хорошо, Настенька, — улыбается, не переставая поглаживать мою ладонь. И я улыбаюсь ему в ответ, подыгрывая его мнимой любви. Но желание забраться к нему в голову и докопаться, какой омерзительный план он уже выстроил в отношении меня, щекочет нервы. — И ты мне в этом поможешь, правда, доченька? — ласковое слово в его устах звучит ругательством. И я только силой воли удерживаюсь от колкого замечания. Не сейчас, когда он так близко и в его глазах клубится тьма. Не та манящая и спасительная, обнимающая ласково и дарящая странное ощущение покоя и защищенности. Нет, эта тьма пахнет сумасшествием. И колючие мурашки ползут по спине.

— В чем помочь, папа? — спрашиваю внезапно севшим голосом.

Но ответить он не успевает – в палату входит высоченный мужик в белом халате поверх синей врачебной робы. Я узнаю его слету:

волшебный доктор Марика. Интересно, где он сам? И как я все-таки оказалась в больнице?

— Здравствуй, Анастасия, — вежливо здоровается, не обратив никакого внимания на вмиг напрягшегося отца. — Рад, что ты пришла в себя, — и его молодое лицо озаряет широкая улыбка. — Меня зовут Алексей Николаевич, — представляется так, словно впервые видит и пресекает мою попытку напомнить, что я не страдаю амнезией и его прекрасно помню, лаконичным: — Я твой лечащий врач.

Он присаживается рядом на стул, по-прежнему игнорируя отца. Сосредоточенно смотрит на пузырек с лекарством, там еще половина жидкости, прикручивает ролик на системе, ускоряя ритм капель. А потом так же внимательно осматривает меня: кожные покровы, зрачки, даже зубы, считает пульс. И все это в полном и напряженном молчании.

Кивает немного озадаченно, а отец крепче сжимает мое запястье. Не удерживаюсь и шиплю сквозь зубы:

— Мне больно, папа.

Тот встряхивается, выпускает мою ладонь и резко встает. На короткое мгновение он схлестывается взглядом с доктором. Но даже этого мгновения достаточно, чтобы понять — они знакомы и ненавидят друг друга.

— Я скоро вернусь, — бросает мне с радушной улыбкой и, чмокнув в щеку, выходит из палаты.

Мне кажется или Алексей Николаевич выдыхает облегченно?

— Как я здесь оказалась? — спрашиваю, когда доктор прекращает свой немой осмотр.

— На машине, — коротко и веско. Хотя это ничегошеньки не проясняет, потому что и дураку ясно, что придти в больницу на своих двоих я вряд ли была в состоянии. Да и что эта за больница — не имею ни малейшего представления, хотя судя по обстановке: персиковые стены, мягкий диван у противоположной стены, телевизор, — не обычная городская. — Как давно ты принимаешь наркотики? И какие? — спрашивает, как будто бьет чем-то тяжелым по темечку. Я? Наркотики? От одной мысли об этом — тошнота подкатывает к горлу. Нет уж, становится опущенной наркошей, живущей от дозы к дозе, не

мое. Но, похоже, этот доктор, как и Удав, все-таки накачавший меня какой-то дрянью, другого мнения.

— Я не наркоманка, — отчеканиваю каждое слово.

Доктор смотрит внимательно, словно сканирует, норовя уличить во лжи. Я выдерживаю и этот взгляд. Ничего у него не выйдет, потому что сейчас я честна, как горный хрусталь.

— Тогда как ты объяснишь наличие в твоей крови метилфенилпропанамина? — выдает он на одном дыхании, словно цитирует учебник по химии. Смотрю на него во все глаза, даже не пытаюсь скрыть изумление. — Если по-простому — метамфитамин? Чистый, без красителей и других примесей, — продолжает доктор.

Так вот значит, чем напичкал меня Удав. «Льдом». Никакой фантазии. Хотя странно, откуда у него такой дорогой товар. Насколько я знаю, чистым «льдом» Удав не балуется, он предпочитает кокаин или «герыч», на который подсадил и моего брата. А вот Алексей Николаевич смотрит еще пристальнее, оценивая реакцию.

— И дорогой, — добавляю я. — Но я понятия не имею, как эта дрянь оказалась в моей крови.

— Врешь, — констатирует доктор. — Но это твое дело. Выпытывать у тебя ничего не буду. Это работа других специалистов. Твой отец вон как настырно желает забрать тебя отсюда. Главный уже и направление выписал в одну очень хорошую психиатрическую клинику.

— Значит, ничего выпытывать не будете, да? — усмехаюсь понимающе. Ясно, как белый день, к чему этот доктор клонит. Вот только зачем ему знать, где я получила дозу? Алексей Николаевич дергает плечом, не торопясь откровенничать. — Что вы от меня хотите?

— Имя, Ася, — вмиг подобравшись, словно готовящийся к нападению хищник, — всего лишь имя того, кто тебя траванул. А я тебе гарантирую, что в психушку тебя точно никто не упечет.

— С чего такая забота?

Не верю я в благородных рыцарей и принцев на белых лошадях.

Наши принцы сплошь и рядом на игле торчат, а с благородством я еще в детстве завязала, когда из-за спасенной мной от насмешек класса девчонки-изгоя, меня вытурили из элитной школы за аморальное поведение. Тогда я уяснила одно: всему в этой жизни есть своя цена. И нынешнему предложению доктора.

— Потому что я вижу, что ты нормальная девочка. И психушка явно не рухнет без твоего в ней присутствия. Такой ответ тебя устроит?

Нет, но вряд ли кто-то даст мне другой. Зато вот сейчас я могу избавиться от Удава лишь одним словом. И он больше никогда меня и пальцем не тронет. И я почти готова сдать его с потрохами, но перед глазами всплывает перекошенное мукой лицо брата. Нет. Нельзя. Без Удава Вадька сдохнет в грязной подворотне, а я не могу этого позволить. Не могу.

Делаю глубокий вдох и на выдохе говорю то, что немало изумляет Алексея Николаевича.

— Мои таблетки были. Купила в клубе неделю назад. У кого – не помню. Название клуба тоже.

— И зачем купила, хорошая девочка из богатой семьи? — с неприкрытой насмешкой. Он хоть и удивлен, но не верит мне, по глазам вижу и легкой полуулыбке.

— А кто вам сказал, что я хорошая?

Глава третья.

Скачано с сайта knigomania.org

Тим.

Тимур стоит у окна, вертя в пальцах зажигалку. Чиркает колесиком, высекая из металлического нутра рыжий огонек. Снова и снова. Перчатки на кончиках пальцев слегка оплавилась, потому что важно затушить огонь пальцем. Прижать, придавить, приручить. А потом отпустить, даря запертому в зажигалке огню мнимую свободу.

— Ты... — злой голос за спиной делает то, что не удастся пляшущему язычку пламени — накрывает неудержимой лавиной прошлого, погребая под собой остатки самообладания, которым Тимур и так похвастаться сегодня не в состоянии. А все эта Русалка. Свалилась же ему под колеса.

От мыслей о рыжеволосой девчонке с солнечными глазами что-то

внутри дергается, словно в конвульсиях. Больно. Муторно. Раздражающе.

Кто-то резко сжимает его плечо. Интуиция срабатывает мгновенно. Движения, доведенные до автоматизма. Сжать запястье, вывернуть до хруста кости.

— Ублюдок, — выдыхает Гурин, уткнувшийся мордой в стекло. — Не смей приближаться к моей семье, — рычит.

Тимур выпускает его руку и несколько секунд смотрит на перчатку, прикидывая, как скоро он сможет ее снять. Почему-то противно, хотя Тимур чистоплюем никогда не был.

— Семье, — протягивает медленно, словно пробует это слово на вкус. Растягивая время и умиряя скрутившую в узел ярость. С какой легкостью он бы размазал этого сукина сына по стеклу. И никто не помешал бы. Гурин даже опомниться не успел бы, как уже был бы трупом. И возможностей таких не счесть. Судьба словно измывалась над Тимуром, подкидывая ему раз разом прекрасные шансы отправить Гурина в ад, где его уже давно заждались. Останавливало одно: предвкушение. Сладость от скорой мести, которая хуже смерти.

Улыбнувшись, Тимур медленно поднимает взгляд: холодный, равнодушный, и сталкивается со злым взглядом своего врага. Видит, как тот стискивает зубы и сжимает кулаки, готовый прямо сейчас разорвать его в клочья. О, Тимур бы с радостью дал повод, чтобы сломать Гурина хоть что-то. Чисто ради какого-то темного удовольствия. Пожалуй, сейчас он как никто понимал тех, кто кайфует от пыток. Он бы испытал пару пыточных приспособлений на своем противнике с нереальным удовольствием.

— Семье, — повторяет Тимур, расслабленно привалившись плечом к стене больничного коридора. Боковым зрением улавливает, как из палаты Русалки выходит Эльф. Смурной и озадаченный какой-то. И то муторное внутри дергается сильнее, выгибается, как эпилептик в припадке. — Да кому она сдалась, семья твоя? — глуша собственные эмоции. — Сын — наркоша конченный, за дозу готовый на все, даже родного отца прикончить. Жена — шалава, раздвигающая ноги перед каждым жирным членом, — отмечает, как дергается кадык Гурина. Лицо заостряется. Еще немного и рванет будущий мэр, как пороховая бочка. Еще немного... — Хороша, правда, сучка. Таковую и отыметь не грех. Но я, знаешь ли, свежатину люблю.

И ухмыляется плотоядно, намеренно не озвучивая, кого имеет в виду. Гурин понимает все сам. Делает быстрый выпад кулаком в солнечное сплетение. Быстр, сволочь, но Тимур еще быстрее. Шаг назад, в сторону. И вот он уже за спиной Гурина, дышит ему в затылок. И смеется тихо, наслаждаясь игрой.

— Стареешь, Гурин, — насмешливо, едва ли не в самое ухо. И снова шаг назад, когда тот резко разворачивается для нового удара.

— А ты трусливо сбегашь, — цедит, тяжело дыша.

— Не бери на «слабо», — смеется Тимур, поигрывая зажигалкой, — не прыщавый подросток все-таки.

— А кто же ты? — все еще на взводе, но уже ухмыляется в тон Тимуру. Берет под контроль эмоции, добела сжимая пальцы. — Сопля зеленая. Плюнуть и растереть.

— А ты попробуй, — не меняя тона, парирует Тимур.

— У каждого есть слабые места, Тиша, — говорит едва слышно, все-таки выдирая из Тимура задвинутую ярость.

Улыбка сменяется оскалом. Тимур шагает к Гурину, впечатывая того в стену одним мощным ударом в живот. Тот хватая ртом воздух, с шумом выдыхает. Хрипит. Но не отводит взгляда с отблеском триумфа.

— Ты прав, крестный, — выплевывает, зажав Гурина в тиски. И пальцы на горле так удобно смыкаются, — у каждого есть слабые места.

И разомкнув пальцы, разворачивается спиной и широким шагом покидает больницу.

Уже на крыльце рвет ворот рубашки. Ткань с хрустом поддается. Только кислорода все равно не хватает. И злость клубится внутри, ища выхода.

Тимур рывком стягивает перчатки, швыряет в урну, чиркает зажигалкой и обнимает ладонью жгучее пламя. Вонь горящей плоти забивается в нос и это единственное напоминание, что нужно остановиться. Никакой боли, даже слабого отголоска. Ничего. Только вонь, горькая, оседающая на языке, забивающая глотку и легкие.

— Не замечал раньше за тобой тяги к садомазо, — голос Эльфа заставляет остановиться и посмотреть на взъерошенного друга. —

Продолжай, не стесняйся, — усмехается он, зажав зубами не подкуренную сигарету. — А я пока расскажу, какой ты придурок, Крутов.

Тимур изгибает перечеркнутую двумя шрамами бровь, ожидая продолжения. А огонек по-прежнему «гуляет» по ладони, ласкает кожу. И он пропускает его между пальцами, трогает, словно пытается ухватить за рыжий хвост. Играется под непроницаемым взглядом друга. Тот сигарету в пальцах вертит, перекачивает и смотрит куда-то сквозь Тимура. Нехороший взгляд. И неприятное предчувствие пересчитывает позвонки, как умелый музыкант струны.

— Гурин хочет упрятать девчонку в психушку, — встряхнувшись, все-таки отвечает Эльф. — Уже заключение от главного получил.

— Шустрый, однако, — ухмыляется Тимур, щелкнув по кончику пламени. Захлопывает зажигалку и несколько секунд смотрит на обожженную ладонь. Значит, подключил-таки связи, сукин сын. А ведь Русалку кроме Эльфа никто не осматривал. Быстро «липу» состряпали. — Только бесполезно все это, — и по венам расползается то самое пламя, что еще секунду назад жгло его кожу. И от внезапной боли все внутри саднит, как будто его внутренности отпинали армейскими сапогами. Паршиво. Тимур снова щелкает зажигалкой, перетягивая боль в давно бесчувственную руку. Получается хреново.

— Остановись, — друг перехватывает его запястье, зажигалка выпадает, со звоном скатывается по ступенькам. Тимур ловит взгляд друга: встревоженный, — и напрягается, но догадок не строит, хотя уже наверняка знает, о чем тот попросит. — Ты знаешь, Крутов, я всегда на твоей стороне, но...

— Даже не начинай, Эльф. Благородство то еще дерьмо, а я и так в нем по уши. Так что завязывай, если дорожишь нашей дружбой.

— Она хорошая девочка, — качает головой и отпускает Тимура. Тот морщится, потирая запястье. Да уж, хватка у друга что надо. Руку ломает и не заметит.

— Хорошая девочка? — морщится, резкими словами загоняя поглубже непрошенные чувства, стоит вспомнить о девочке. И пульс рвет артерии: злой, аритмичный. — Хорошие девочки носят платья с бантиками и сидят дома, а не шастают по наркопритонам.

Догадаться, откуда на той дороге появилась Русалка, труда не составило, как и подтвердить собственные догадки

неопровержимыми фактами. Да она сама просто пропиталась сексом. Растрепанная, с засосами на шее и запахом шампанского в волосах. Все в ней кричало, что буквально недавно ее хорошенько оттрахали. Он бы поднял ее с асфальта, куда она рухнула как подкошенная, скрутившись клубком, как маленькая беззащитная лисичка, удостоверился, что все в порядке и отправил бы восвояси. Он бы так и сделал, если бы не ее глаза: рыжие, что веснушки на высоких скулах, светящиеся злостью. Не бесконтрольной яростью, а чистой, как бриллиант, взвешенной и выверенной злостью. Если бы не та чертова фотография в ее деле. Если бы не она сама, какая-то потухшая и...наивная. И то, как она на него отреагировала – не укрылось от Тимура. Он давно научился понимать, чего хочет от него женщина. Давно научился играть на женском теле, получая то, что нужно ему. А здесь...ему и делать ничего не пришлось. Лишь коснуться, чтобы ощутить, как она вся рванулась к нему, словно иголка к магниту. И как удержала силой собственное тело. Да он сам утонул в ее рыжих глазах, увяз, как в сладкой карамели. И сам не понял, как слова слетели с его языка, как назвал ее Русалкой, только тогда осознав, что она действительно, как русалка: заманила, одурманила и не сбежать ведь. А потом удрала, хорошенько врезав напоследок.

Воспоминания рождают улыбку. Но память та еще сука, не забывает подсунуть мерзкие картинки того, кто и что с ней делал, оставляя багровые кровоподтеки на белой коже. И ярость рвется диким зверем. Тимур сжимает кулаки, жалея, что перчатки выбросил, а новая пара в сотне километров отсюда.

— Она не наркоманка, Тимур, — разрезает вязь воспоминаний глухой голос друга.

Не наркоманка. Только анализы говорят о другом и Эльф сам это прекрасно понимает. Тогда к чему этот пустой разговор?

— Ты в чем меня пытаешься убедить сейчас? В том, что твоя лаборатория накосячила или может, анализы перепутали? — ярость клубится в каждом слове, прорывается звериным порыванием на самой грани. — А не ты ли пару часов назад растолковывал мне все циферки и буковки в той бумажке?

— Я, — легко соглашается Эльф, почти сминая сигарету. Нервничает. Странно. За Эльфом, безжалостным хирургом, раньше не водилось такого. Он всегда разделял личное и работу. Никогда не

поддавался эмоциям. Почему сейчас? Что в этой Русалке такого особенного, что она даже Туманова, сдвинутого на одной-единственной бабе, так зацепила? — И я сам ничерта не понимаю, — ерошит волосы и высыпает из ладони остатки сигареты. — У нее хреновые анализы, Тимур. Ее спасти надо, а не запирать в психушке.

— А я значит принц на белом коне, который непременно должен победить дракона и вызволить принцессу из высокой башни? — ерничает, хотя у самого внутри все огнем горит.

— Для принца ты рылом не вышел, — смерив взглядом Тимура, фыркает Эльф. — Да и одежкой...и коня не завел...

Тимур дергает плечом и медленно закатывает окровавленные рукава рубашки, как будто в этом смысл жизни. Методично, размеренными движениями утихомиривая слетевший с катушек пульс.

Заставляя память станцевать по его правилам.

...Русалка выгнулась в его руках и вся будто закаменела, а потом затряслась в припадке, и Тимур понял сразу — не выдержит. Ее маленькое сердце не выдержит того, чем ее накачали. А в том, что она не сама наглоталась какой-то дряни — не сомневался ни на секунду. Слишком растерянная была. И слишком яркой была ее злость в рыжих глазах.

Эльф оценил обстановку быстро.

— Держи ее, Тимур. Крепко держи. Я сейчас.

И исчез. А она... Она билась в судорогах: спина выгибалась дугой, ноги и руки выкручивало так, что немного — и хрустнут кости, голова запрокидывалась, а на губах пузырилась пена. А Тимур не знал, что делать. Держал ее и смотрел, как хрупкое тело раздирало конвульсиями, выворачивало и кидало в стороны. Мгновение, и Русалка изогнулась, а он отпустил ее, потому что испугался, что нахрен сломает позвоночник, и рухнула на пол. Где-то на краю сознания выматерился Марат, вызывая Скорую. Тимур упал на колени рядом с Русалкой, всем весом прижал к полу. Разорвал рубашку, и на непозволительно долгое мгновение задержался взглядом на белесых шрамах, расчерчивающих ее правый бок и кожу под грудью. По нему словно раскаленными прутьями прошли — дикая боль прожгла до костей. Он заорал так, что едва не лдопнули барабанные перепонки, а Русалка вдруг распахнула глаза: расфокусированные с розовыми от крови белками. Прохрипела что-

то и снова выгнулась дугой, отчаянно ловя воздух. Тимур ругнулся, стиснув зубы, а запутавшиеся вокруг шеи волосы намотал на кулак, повернул голову на бок. Обернулся, мазнув взглядом по дому, где исчез Эльф.

Страх бился в висках, крошил позвонки, не позволяя даже дыхнуть.

— Эльф! — заорал, срывая горло. — Марат, Эльфа найди, — прохрипел. А сам сжал ее голову, чтобы не билась о пол. Теперь разжать челюсти. Твою мать! Зубы стиснуты намертво. И под рукой ничего подходящего. Он пошарил одной рукой по карманам. Зажигалка, телефон, — все не то. Черт! А до кухни далеко. Нельзя! И Эльф куда-то пропал. Проклятье! Пальцы нащупали ручку, подаренную по случаю какого-то праздника, металлическую. Должна выдержать. Выудил ее из кармана, едва не уронил. Перехватил и попытался разжать челюсть.

— Давай, девочка. Ну же! — она изгибалась, хрипела, из глаз потекла кровь. Тимур матерился, разжимая челюсть. Разжал с трудом и всунул между зубами руку, пальцами прихватив кончик ее языка, чтобы не запал.

Выдохнул и тут же до крови прокусил губу, когда ее зубы сомкнулись на его руке. Плевать. Перчатки выдержат. А он так тем более...

Тимур сжимает и разжимает кулак. Спускается по ступеням, поднимает зажигалку, перчатки со следами зубов Русалки на одной, натягивает их на ладони. И ощущает на себе внимательный и тяжелый взгляд друга. Впервые Тимур видит в нем осуждение. Впервые Эльф оказался по ту сторону баррикад. И впервые Крутов не знает, что делать.

Эльф вернулся запыхавшийся и злой до невозможности. В руке — нож. Поймав взгляд Тимура, тут же принялся объяснять, на ходу закатывая рукав рубашки Русалки. И взгляд его потяжелел, когда он увидел то же, что и Тимур: шрамы. Они повсюду. Тонкой паутинкой перечеркивали тоненькую ручку, окольцовывали запястье. Испещрили весь бок девчонки.

— Твою мать, — выдохнул Эльф, нащупывая пульс. А Тимур следил за его пальцами на ее прозрачной коже, под которой видны все венки, и злился. А еще точно знал: убьет. Как только узнает, кто с ней это сделал — убьет, не задумываясь. И черная муть всколыхнулась

внутри, разламывая грудную клетку. Он явственно слышал, как ломаются его ребра от того, что росло внутри него, сметая к чертям все светлое и доброе, что он выколупывал из темных закоулков сознания каждое утро.

— Не смей! — рывкнул он так, что Эльф выронил нож, которым едва коснулся исполосованной кожи.

— Тимур, — заговорил Эльф, выискивая глаза друга, но Тимур не сводил их с ножа. — Тимур, послушай меня. Она может умереть, слышишь? Лекарств нет, значит нужна вена. Любая крупная. Шею трогать нельзя. Самая доступная — рука. Тимур! — толкнул его в плечо, обращая на себя внимание. Тимур оскалился и верхняя губа его подрагивала то ли от злости, то ли от нервного перенапряжения.

— Ты ее не тронешь, — прохрипел, удерживая бьющуюся в конвульсиях Русалку.

— Час от часу не легче, — пробормотал Эльф. — Ладно, — выдохнул. — Давай сам. Сам, слышишь?

Тимур покачнулся, как будто его толкнули в грудь со всего маху. Кивнул и взял нож. Эльф перехватил руку девчонки, пригвоздил к полу.

— Нужно сделать разрез вдоль вены. Сантиметров десять, — Эльф говорил сухо и профессионально. И этот его тон работал лучше всего. Тимур собрался, перехватил удобнее нож. — Ей нужно уменьшить давление. Судороги, скорее всего, не прекратятся. Но мозг и сердце пострадают меньше. Тимур, это единственный способ спасти ее. Иначе до приезда скорой она не доживет. Слышишь? Она и полчаса не протянет, даже если мы сами рванем в больницу.

Тимур слышал, но уже словно издалека. Страх пульсировал в висках. На войне было легче. Там Русалка не умирала.

Вдохнул-выдохнул. Унял дрожь в руках. Сжал нож и одним движением вспорол кожу, разрезал тонкую вену.

По руке Русалки потекла темная кровь.

— Отлично. Ты молодец, Тимур, — говорил Эльф спустя пару минут, перетягивая шнуром ее руку выше локтя. Русалка не шевелилась, только дышала рвана и по щекам ее текли кровавые слезы.

— Вот это жуть, — выдохнул за их спинами Марат, оседая на пол и

не сводя изумленных глаз с их троицы.

Тимур выдохнул. Скорую ждать не стали – рванули в больницу сами. А перед самой реанимацией у Русалки остановилось сердце...

Тимур не смотрит на друга, быстро поднимается по ступеням на второй этаж. Гулкие шаги разлетаются по больничному коридору. Но у самой палаты его настигает телефонный звонок. Он сбрасывает трижды, прежде чем коснуться ручки двери, за которой слышатся громкие голоса.

В одном он узнает Гурина. Стиснув зубы, ощущая, как темная ярость пульсирует в висках, толкает дверь. Слишком сильно. Та с грохотом ударяется о стену. Голоса стихают. Тимур выхватывает взглядом Гурина, замершего у окна с видом победителя, мужика в белом халате с какими-то бумажками и застывает на бледной и удивленной Русалке.

— Ты?! — первым реагирует Гурин, делает шаг в сторону Тимура. — Какого...

Но Тимур не слушает. Смотрит в рыжие глаза с зелеными разводами. И точно знает – не было, этой зелени в глазах не было в их первую встречу.

— Простите, — врезается в сознание мягкий голос. Поворачивает голову. Доктор. Его Тимур помнит. Он не давал Эльфу спасти Русалку, когда у нее остановилось сердце.

— Я забираю свою жену, — отчеканивает, четко ловя на себе не просто удивление, а дичайшее изумление Русалки. — Прямо сейчас.

— Вы не можете ее забрать.

— Могу, — и пересекает расстояние до ее кровати. Удерживая взгляд Русалки, отдирает от нее все датчики, подхватывает на руки. Она тут же вцепляется своими тоненькими пальчиками в его рубашку. И молчит. Ничего не спрашивает. Только смотрит и держится так, будто он ее спасательный круг, без которого она точно утонет. Улыбается ей мягко, давя в себе желание зарыться в ее волосы. Разворачивается на носках и натывается на Гурина, за спиной которого каменным изваянием застыл доктор.

— Гурин, я все равно ее заберу, — ухмыляется Тимур, прикидывая, куда и как ударить, чтобы не отпускать Русалку. Она такая мягкая, теплая и родная как будто. У него внутри стало светлее, когда он

только коснулся ее. А когда прижалась, носом уткнувшись в его шею – слетели все тормоза.

— По закону...

— По закону, — перебивает Тимур доктора, — ты, сука, сядешь первый за неоказание медицинской помощи. Поверь, у меня найдется с десятков свидетелей, которые подтвердят, что именно ты мешал доктору Туманову спасти мою жену.

И с неприкрытым удовольствием отмечает, как с холеного лица доктора стекают все краски.

— А ты... — уже Гурину, но тот поднимает руки ладонями вверх, признавая поражение, и отступает.

Уже в машине Эльфа, ключи от которой он отдал Тимуру без слов, Русалка заговаривает тихо.

— Зачем ты соврал? — в ее голосе столько неприкрытой боли, что впору удавиться. — Он ведь проверит и тогда...

— А кто тебе сказал, что я соврал? — усмехается он.

— Но ты не мой муж.

— Пока нет, — теперь улыбается широко, а когда в зеркале заднего вида видит ее большущие глаза, светящиеся солнцем, смеется, наслаждаясь целой палитрой эмоций на ее хорошеньком и даже порозовевшем личике. — Но это пока. Минут через двадцать мы это исправим, Русалка.

Глава четвертая.

Стася.

Я смеюсь. Бэтмен смотрит на меня с ухмылкой. Похоже, такую реакцию он вполне предвидел. И очень хочется сбить с него эту самоуверенность, аж до чесотки в пальцах. Странное желание, но... он ничерта не знает обо мне. А я...

— И с чего ты решил, что я пойду за тебя замуж, Тимур Крутов?

Надеялась удивить? Зря. Он даже бровью не ведет, а ведь своего имени он мне точно не называл. И никто не мог, кроме отца. Значит, мои подозрения, закрававшиеся еще в палате, верны – и эти двое

знакомы. Причем настолько близко, что успели возненавидеть друг друга. Любопытно, хоть и давно известно, что оно никогда не заканчивалось добром. Но я добровольно сую голову в петлю. Зачем - не знаю.

— А я разве спрашивал твое мнение, Анастасия Гурина? — возвращает мне мой бросок, вот только его удар гораздо сильнее моего, потому что страх обнимает липкими пальцами. А он морщится, как будто дерьма зачерпнул горстью. Ему противно одно мое имя. Тогда зачем ему весь этот фарс? Мстит отцу? Смешной. Отцу нет никакого дела до меня, и никогда не было.

— Если ты хочешь насолить Гурину, то зря стараешься, — пусть знает правду. Она вполне способна разрушить все его головокружительные планы, а мне дать шанс получить хотя бы крупницы ответов. — Я ему неинтересна.

— Зато я интересен, Русалка.

Изгибаю бровь, ожидая продолжения, но напрасно. Бэтмен явно не горит желанием со мной откровенничать. А я пользуюсь моментом, когда он притормаживает на светофоре, и сбегая. И не потому, что хочу убежать. Так уж складывается, что бежать мне некуда: мать давно умерла, брату нужна лишь доза, а друзья... друзей у меня никогда не было. Мне просто нужно пространство, чтобы прийти в себя. Нужен воздух и город с его гамом и неповторным запахом.

Утреннее солнце щекочет кожу, а ветер раздувает больничную пижаму, словно насмехаясь над моим внешним видом. Вдруг представляю, как в этой пижаме войду в ЗАГС; воображаю вытянутое лицо регистраторши, когда она увидит чокнутую парочку: меня в больничной одежде и его в окровавленной рубашке. Улыбка растягивает губы. И даже становится легче дышать. Я ступаю на двойную сплошную, не обращая внимания на сигналы машин и визг тормозов. Просто стою, вдыхая еще прохладный воздух, а перед глазами эта до дикости странная, но отчего-то такая правильная картинка. И тепло растекается под кожей, тоже странное и неправильное, но такое ласковое, согревающее изнутри. Такое, от которого хочется плакать. И слезы жгут глаза. Соленой влагой растекаются по губам. И я слизываю их. Размазываю по щекам, не переставая улыбаться. А в груди саднит и больно сделать вдох. Но я дышу... широко раскрытым ртом, хватая кислород, как выживший утопленник.

И в этот момент кто-то грубо хватает меня за руку и резко дергает назад. Я оступаюсь, на ходу разворачиваясь лицом к Бэтмену, и сталкиваюсь с черным, до краев переполненным яростью, взглядом.

— Ты что творишь, идиотка?! — рывкает так, что уши закладывает. Смотрю ошарашено. С чего вдруг такая реакция? — Жить надоело?

— А если и так, то что? — кричу в ответ, отпустив с поводка собственную боль и злость. — Тебе какое дело до этого?! Все, сыграл в благородство, можешь валить в задницу, придурок.

И дергаюсь в его руках с намерением лягнуть куда-нибудь. Но он держит крепко, впечатывая в себя, словно и вправду боится, что я прямо сейчас кинусь под колеса. И я замираю, вглядываясь в его напряженное лицо, пытаюсь отыскать в нем хоть какую-то подсказку, что я права. Но нет, его лицо, словно восковая маска — нечитаемое. Лишь ухмылка кривит обветренные губы с маленькими трещинками. А потом...одно стремительное движение и я уже перекинута через его плечо, а его тяжелая рука лежит на моей заднице.

Она такая горячая, что мне кажется — на коже обязательно останется ожог от этого прикосновения. Я пытаюсь извернуться, бью ладонью по его спине, но он не замедляет шаг.

— Отпусти меня, — рычу, суча ногами.

— Нет, — парирует он неожиданно весело. Что за бред? — Но если не прекратишь брыкаться — уроню.

Встретиться с асфальтом совершенно не хочется и так все тело ломит после прошлых «приключений». Затихаю, смирившись. Орать бессмысленно — никто не явится меня спасать, а вот разбить или даже сломать себе что-то — я могу вполне реально. Но в конце концов, ведь так и должно быть? Ведь именно это мне и нужно сделать — быть к нему как можно ближе. Вот только почему на душе так противно, словно туда щедро залили помоев?

На этот раз он усаживает меня на переднее сиденье, припечатывая к креслу ремнем безопасности. И через минуту мы снова катим по шоссе, вливаясь в поток машин.

— Ну и куда мы едем? — спрашиваю, надеясь, что у него отпала охота тащить меня в ЗАГС по крайней мере сегодня.

— Выколачивать из тебя дурь, — отвечает, гневно сверкнув чернотой глаз.

Странно, но я не боюсь ни его взгляда, ни обещания всех мук ада в нем. Устала бояться, наверное, хотя умом понимаю — этого мужчину стоит. Но у меня уговор, и я надеюсь, отец выполнит свою часть. На остальное плевать. Хуже, чем с Удавом уже не будет.

Тимур ведет, сосредоточенно смотря на серую ленту шоссе. А мой взгляд намертво влип в него. Темные глаза в обрамлении густых ресниц прищурены, смуглая кожа до предела натянута на высоких скулах, того и гляди порвется. Он так напряжен? Почему? И остро хочется коснуться его щеки раскрытой ладонью, забрать все, что его тревожит и выбросить в окно, под колеса едущих сзади машин. Но я отбрасываю эту мысль, скользя взглядом ниже, по темной щетине, крутой линии подбородка, полноватым губам, сейчас сжатым в тонкую полоску. У него сильные руки, перевитые жгутами мускул, которые напрягаются, когда Тимур выворачивает руль на очередном повороте. Делаю глубокий вдох от скорости, что достигает запредельных цифр. Выдыхаю рвано и ловлю на себе короткий и злой взгляд. Вжимаюсь в сиденье, вцепившись в кожаную обивку, но не могу перестать смотреть на него. Это выше моих сил. Это как чертов наркотик, что выкручивает тело в ломке. Он сам как наркотик. И я не знаю, почему меня так к нему тянет. И я все-таки не выдерживаю и касаюсь его кончиками пальцами. Он вздрагивает и стискивает зубы. Но упрямо смотрит вперед. Туда, где город давно расступился, уступив место виноградным плантациям и темным пикам гор. И позволяет себя касаться так, как хочу я. А у меня дрожит рука и ледяной страх танцует ламбаду с диким огнем по венам. И это так больно, что на глаза наворачиваются слезы. Выдыхаю судорожно и отдергиваю руку.

— Что Русалка, так сильно ломает? — вдруг спрашивает хрипло.

— Ты злишься? — не отвечая на его вопрос.

Да я и не понимаю, о чем он, но то, что меня ломает — это факт. Только вовсе не от желания получить новую дозу метамфетамина.

— Злюсь? — вжимая в пол педаль газа. — О нет, Русалка, я просто счастлив такому щедрому подарку.

— Подарку? — удивленно хлопаю ресницами.

Он кивает, сбрасывая скорость.

— Мне интересное другое, — его голос звучит холодно, равнодушно даже, и я невольно передергиваю плечами, натягивая на них

мешковидную больничную пижаму. — Чем Гурин заставил тебя лечь под меня?

— По-моему, это ты намеревался затащить меня в ЗАГС, разве нет?
— парирую его удар, хотя внутри все сжимается в тугую пружину. Догадался. Надо же. А я думала, что научилась играть. — Женой называл при всех.

— А ты предпочитаешь сдохнуть в психушке? — заламывает бровь.
— Так я могу вернуть тебя обратно.

— Не можешь, — собирая в кулак остатки воли. Что-то расшатал меня Удав винтом, рохлей какой-то сделалась, ей-богу.

Уголки его красивых губ приподнимается в намеке на улыбку. Нравится ему, что ли? Но он ничего не уточняет, давая мне возможность закончить мысль. А я не тороплюсь, зябко кутаясь в тонкую пижаму. И ничего, что на улице жара. Меня знобит так, что зуб на зуб не попадает.

И от Тимура не ускользает мое состояние, потому что он что-то переключает на торпедо и меня окутывает приятное тепло.

— Так лучше? — разрывая молчание.

Киваю, снова уставившись в окно. А в голове роем выются разношерстные мысли: что его связывает с отцом; как он догадался, что я с ним не по своей воле; почему ни о чем не спрашивает; и куда он, в конце концов, меня везет?

А когда вдали появляется покосившийся указатель с истертым названием, я вдруг понимаю, что не хочу становиться заложницей очередных обстоятельств. Просто не хочу снова идти на поводу у отца только лишь потому, что боюсь потерять брата. Да, это глупо и малодушно, но я вдруг говорю тихо:

— Ему нужна информация.

Тимур не удивлен, только пальцы крепче сжимают руль.

— И учредительные документы на твою фирму.

На этих словах он взрывается смехом, таким острым и страшным, что у меня позвоночник сковывает льдом.

— Вот же сука, — выдыхает, отсмеявшись.

— Псих, — шепчу, наблюдая за перепадами его настроения.

Он лишь усмехается мне ответ.

— Русалка, — протягивает, наслаждаясь каждым звуком этого глупого прозвища, — я не спрашивал, что ему нужно. Я спросил, чем он заставил тебя.

— Он поможет брату, — после длинной паузы все-таки сдаюсь я.

— Брату, — повторяет задумчиво. — И ты ради этого нарика готова стать шлюхой?

Смотрю в его черные глаза, внимательные и холодные, будто неживые, и уверенно киваю. Ради Вадьки я готова на все, потому что благодаря ему дышу этим проклятым воздухом. И продать кому-то свое тело — такая малость по сравнению с его жизнью.

— Я понял, — бросает насмешливо и снова сосредотачивается на дороге.

А я с удивлением отмечаю, что мы доехали до поселка с кирпичными домиками и стайками гусей у деревянных заборов. Кое-где на лавочках сидят старушки, дальше на вспаханных огородах гнут спины мужчины, бегают ребятя по заросшему травой футбольному полю, забивая голы в самодельные ворота. И все это такое до одури знакомое, что я точно знаю, там, за высокими тополями золотится купол белостенной церквушки, за которой широкой лентой вьется река с висячим мостом. А на другом берегу стоят дома аристократов и олигархов. И когда Тимур останавливается, пропуская босого мальчишку, погоняющего бурую корову, комок застревает в горле. Потому что там, среди пирамидальных тополей виднеется та самая маленькая церковь.

— Куда ты меня привез? — хрипло и почти не дыша. Не сводя глаз с золотого купола и маленькой черной тени у колокола на самом верху. Гулкий звон прокатывается над деревней, и я втягиваю голову в плечи, ладонями зажимаю уши. Я не хочу слушать. Не хочу смотреть, потому что боль невыносима. Потому что этот незнакомец одним движением вскрывает нарыв, гноем измазывая все внутри.

— Хочу показать тебе кое-что, — он сворачивает к невысокому дому, заросшему бурьяном. — Идем, — выбирается из машины и распахивает дверцу. Помогает мне выйти, держа за руку, но тут же выпускает ее и прячет свои в карман. Хорошо хоть о брюки не вытер.

Усмехаюсь криво, но иду следом, почему-то ощущая себя воришкой, обманом забравшимся в свое-чужое прошлое.

Он толкает калитку, которая открывается почти бесшумно, словно этот дом не заброшен, а его хозяева вышли в магазин и вот-вот вернутся. И вся обстановка в доме именно такая. И оттого еще поганее. Мы проходим маленькие сени с цветастой ковровой дорожкой и накрахмаленными занавесками и оказываемся в большой и светлой комнате с круглым столом у окна и сервантом. Здесь больше ничего нет из мебели, даже стульев. Зато много фотографий и у меня перехватывает дыхание от девичьего лица, что улыбается мне с портрета. Рядом висит еще один, только на нем хмурый мальчишка. И сердце пропускает удар. Я знаю этих ребят.

Давно еще, когда была жива бабушка, а мама любила меня больше самогона, мы со Славкой, белобрысой девчонкой с портрета, лазили в огороды к нашему однокласснику Петьке Ковалеву, у которого росла самая вкусная в деревне клубника. Тогда нам так казалось. Потом нам, конечно, доставалось от Славкиного старшего брата, потому что ему приходилось отвечать за наши проступки. Но он никогда не сдавал нас, любил сестру до одури. И никому не позволял ее обидеть.

Тимур хлопает дверцей серванта и кладет на стол цветное фото. Я подхожу ближе, совершенно не понимая, зачем мы здесь. Он никак не может знать о моей дружбе с Огневыми, потому что отец с белизной отмыл мое прошлое от вот таких неправильных, по его мнению, фактов моей биографии. Тогда мне казалось, что он всю деревню уничтожил и ее жителей. По крайней мере, тех, что хоть что-то знали обо мне, отличное от официальной версии моего появления в семье Гуриных. Но нет, деревня, хоть и изрядно опустевшая, но была на месте. Как и церковь, по-прежнему звонящая колоколом, как и моя память, рисующая картинки счастливого детства.

Но все разбивается о калейдоскоп цветных снимков, разложенных на белой скатерти круглого стола. Их немного, фотографий, но каждая, словно кадр из триллера: избитое, искалеченное девичье тело, а следом осунувшееся лицо с черными ямами под глазами, потухшими, без смысла жизни.

Сглатываю колючий комок, не желая принимать, что вот эта изувеченная не только физически девушка и есть та самая задиристая и веселая Славка, с диким восторгом виснувшая на шее своего старшего брата.

— Что это? — все-таки спрашиваю я, подняв взгляд на замершего у окна Тимура. Он не смотрит на меня, не смотрит на фото, а куда-то мимо, сквозь меня. Засунув руки в карманы, стиснув зубы и напряженно выпрямив спину. И я понимаю — ему больно. Так, что он едва держится на ногах, но не может выказать свою слабость перед продажной девкой.

— Что это, Крутов?! — повторяю, в один шаг оказавшись рядом и вцепившись пальцами в ворот его рубашки. — Кто сделал это со Славкой, говори!

Он вздрагивает на ее имени и все-таки смотрит на меня. И в черной мути его глаз беснуется злость, темная, беспощадная.

— Твой брат, — хрипит, не отпуская взгляд. А когда я отшатываюсь, хватает за плечи, прижимая к себе, заставляя смотреть и принимать его правду. — Они в клубе познакомились, потанцевали, выпили и он пригласил ее к себе. Она отказалась. Ее поймали на улице. Сука подружка сдала. Твой братец умеет быть обаятельным, — кривится так, словно плюнуть хочет. Мне в лицо плюнуть. И я вся сжимаюсь в его руках, слушаю и не верю. — Он продержал ее у себя всю ночь: насиловал, бил. А потом вышвырнул на обочину.

Я зажимаю ему рот ладонью, трясую головой, не находя сил словами попросить замолчать, потому что невозможно это слушать. Потому что адское пламя выжигает легкие. Потому что я точно знаю: он не врет. Все, что говорит Тимур — правда.

— Гурин его отмазал, — отлепив мою ладонь от своих губ, договаривает Тимур. — Отец Славки взял деньги, а ее брат оказался в психушке. Он так и не успел добраться до этого ублюдка. А ты...ради него...

А я ради него продалась Удаву. Усмехаюсь, отступая на шаг.

— Я должна ему жизнь, Бэтмен. Много жизней. Но тебе этого не понять.

Он щурится, сейчас выворачивая наизнанку одним взглядом. И у меня мурашки ползут по спине, щекоча неприятным холодком острые позвонки.

— Какую жизнь, Русалка? — насмехается, но взгляд по-прежнему цепкий. — От дозы к дозе? А что будет, когда Удаву надоест? Что будешь делать ты, Русалка?

Меня качает, голова идет кругом и тошнота неожиданно скручивает желудок. Я закрываю рот ладонью и рвусь к выходу, но меня выворачивает на пороге. Падаю на колени, тяжело дыша, и тут же ощущаю тепло за спиной. Сильные руки собирают волосы на затылке, убирают их с моего лица, пока меня рвет желчью.

Тимур сидит рядом. А когда меня перестает трясти, помогает подняться. Я смутно вижу, куда он меня ведет. Прихожу в себя у колодца, когда Тимур осторожно умывает меня ледяной водой, набирает в горсть из железного ведра, и я пью с его ладони, затянутой перчаткой.

— Откуда ты...

Я не договариваю, жадно глотая воздух, потому что тошнота горечью расползается по горлу. Но он понимает сам, оттирает мое лицо полотенцем.

— Я все о тебе знаю, Русалка.

И почему я не удивлена? Кривлюсь, глядя на его хмурое лицо. Подолом пижамной рубашки оттираю рот и чувствую привкус кожи на языке. Его перчатки. Странно. На улице жара, солнце не щадит никого, а этот... Бэтмен в перчатках. Постоянно. Почему?

— Не думаю, что это хорошая идея, — он сжимает пальцы в кулак, показывая, что поймал меня на моих глупых мыслях. Встряхиваюсь, только теперь замечая, что сижу, уставившись на его узкие ладони с длинными пальцами.

— Ты играешь? — вопрос срывается сам — я и понять не успеваю, что произношу его вслух.

— Нет, — жестко в ответ. Встает и прячет руки в карманы. А я зачерпываю колодезной воды из ведра, умываюсь, прикрыв глаза. А перед глазами вдруг такая четкая картинка: черный рояль и мужские пальцы, с трепетом касающиеся белых клавиш. И четкое понимание: врет. Он играет. И наверняка черный рояль у него есть. Стоит посреди его огромного дома, во дворе которого я чуть не умерла (Марат, заглянувший на минутку после доктора Туманова, поделился подробностями, от которых стало почему-то стыдно). Надо же. Качаю головой. Сижу не пойми где и с кем, и мечтаю о каких-то розовых соплях в духе дешевого любовного романа.

Последняя степень идиотизма думать о руках этого мужика, если он

только что открытым текстом сказал, что следил за мной. Хот надо признать, что руки у него красивые, мощные с сильными, но изящными кистями музыканта и дорожками выпуклых вен. На таких хочется рисовать. И я представляю узор из витых линий, странный, как будто живой, словно я прямо сейчас рисую по смуглой коже. И это сбивает с толку.

— Я поняла, Бэтмен, — сосредоточенно заплетаю волосы в свободную косу лишь бы не коснуться кожи, не прочертить путь вены, отражая на них свои фантазии. Это всегда помогало успокоиться и найти точку опоры в неоднозначных ситуациях, как сейчас. Занять руки, которые так и тянутся прикоснуться к Бэтмену. Вдыхаю, ругая себя. — Тебе тоже нужна я.

Он смотрит на меня через плечо, хмурый донельзя, даже скулы как будто острее стали. Нервничает или злится – черт разберет. Да и не хочется, если честно, разбираться в его настроениях. Выспаться бы. Тело словно чужое, тяжелое, того и гляди свалюсь в этот колодец.

— Что ты хочешь? — продолжаю отрешенно, потому что на эмоции сил нет, даже удивляться уже больше нечему. — Посадить, разорить, занять место Гурина. Говорят, у него конкурент в мэрское кресло – темная лошадка. Не ты ли часом?

В прищуренных глазах снова отражается солнце мягкими переливами, скрадывая непроглядную тьму во взгляде, смягчая. Он разворачивается ко мне всем корпусом, смотрит с интересом, слегка склонив голову набок.

— Следишь за жизнью отца? — спрашивает со странной интонацией в голосе, напоминающей...одобрение?

— Ищу слабые места, — не юлю, да и к чему, если он и так все обо мне знает. Или не все? Вон как странно смотрит, словно хочет докопаться до моих мыслей. Неприятно. — Не смотри на меня так?

— Как? — выгибает бровь, а у меня дыхание срывается от расплавленного золота в черноте его зрачков.

Делает шаг ко мне, нависая надо мной, такой высокий, мощный, пышущий силой и властью. Невольно подаюсь назад, но сильная рука перехватывает под лопатками, удерживая от падения.

Тимур склоняется к моему лицу, обжигает горячим дыханием, а нос щекочет пряный аромат можжевельника и крови.

— Так как мне перестать на тебя смотреть, Стася... — шепчет в самые губы, а меня прошибает от того, как он произносит мое имя, как будто ласкает, едва касаясь. И это...кажется настолько интимным, что в животе все сжимается то ли от страха, то ли от предвкушения.

Сглатываю, с трудом подавляя нарастающее чувство паники.

— Будто хочешь меня сожрать, — почти шепотом, в миллиметре от его приоткрытых губ, таких выразительных, словно нарисованных, без единой ямочки или трещинки. Идеальные. Так и хочется к ним прикоснуться. Попробовать, действительно ли они такие тугие, как кажутся. И меня реально пугают эти желания, словно мое собственное тело предает меня. Со всей силы прикусываю щеку изнутри. Боль отрезвляет.

И Бэтмен словно читает все по моему лицу.

— Я не ем маленьких перепуганных девочек, Русалка, — и рывком поднимает меня на ноги. — Поехали, тебе нужно отдохнуть.

Глава пятая.

Тим.

— Сначала ты, — кивает Русалка на бутылку с водой в руке Тимура.

Сама сидит на заднем сидении и сжимает в руке блистер с таблетками, что прописал Эльф. На обратном пути из поселка Тимур заехал в аптеку и купил все, что прописал друг. И бутылку воды, в которой растворил снотворное, способное усыпить его строптивницу, потому что выглядит она откровенно хреново. И это совершенно не нравится Тимуру. Ему вообще не нравится все, что связано с этой девчонкой. Особенно ее слова о брате и какая-то запредельная преданность этому ублюдку. Тимуру позарез нужно выяснить, какие жизни задолжала братцу Русалка, а еще привести в порядок это несносную упрямицу. Иначе новой реанимации ей не избежать. Но она ему не доверяет, потому и инструкцию к таблеткам потребовала, а сейчас явно думает, что Тимур может ее отравить. Он качает головой под ее пристальным взглядом и делает два больших глотка из бутылки. На вкус обычная минералка. Прав Эльф – снотворное не дало никакого привкуса. Вот и прекрасно.

— Ладно, — выдыхает Русалка и тут же сверкает рыжими глазищами, — но если ты вздумал меня отравить, я достану тебя с

того света, Бэтмен.

— Интересно, как же? — поддерживая ее игру и наблюдая, как она осторожно берет бутылку, кладет на язык круглую таблетку и, скривившись, запивает ее мелкими глотками.

— Буду являться к тебе по ночам и танцевать ламбаду, — невозмутимо.

Тимур улыбается.

— Я уже жалею, Русалка, что кристально чист в своих помыслах. Так и вижу: ты, музыка, ночь и моя спальня. Мммм...

Она кривится еще сильнее, запивая водой еще пару таблеток. И смотрит так, будто диковинную зверушку увидала.

— Ты же не видел, как я танцую, — но с эмоциями совладает очень быстро. Научена владеть собой, значит. — Вряд ли тебе понравится.

Возвращает Тимуру наполовину опустошенную бутылку.

— Это обещание?

И как же нереально приятно наблюдать, как румянец покрывает ее щеки и высокую шею.

— Только если мечтаешь проваляться в больничке с инфарктом, — парирует с легкостью. — Все-таки не каждый выдержит, — и устрашающим шепотом, — как скелет гремит костями.

— Ну... — Тимур забрасывает бутылку в бардачок и медленно трогает машину с места, пропустив мимо ушей ее последнюю фразу, — если медсестрой будешь ты, я определенно не против.

— Оставь свои грязные фантазии при себе, — фыркает Русалка. — Со мной тебе ничего не светит, Бэтмен.

Тимур лишь подмигивает в ответ и сосредотачивается на дороге. А когда выезжает за город, Русалка крепко спит, виском притулившись к стеклу. Тимур сворачивает на обочину, глушит мотор и выбирается из машины. Из багажника достает плед, бережно, чтобы не разбудить, укладывает Русалку на сидении и укрывает. Она ерзает на сидении, укладываясь поудобнее и затихает, натянув плед до самого подбородка.

Прикрывает дверцу и набирает номер.

— Привет, Белка, — улыбается Тимур, привалившись бедром к капоту, когда в трубке звучит мягкий женский голос. И тепло растекается под кожей, согревая и отравляя. Снова и снова.

— Здравствуй, Тимур, — выдыхает Инга настороженно. — Все в порядке?

— Да, а почему ты спрашиваешь? — теперь тревога проверяет на прочность Тимура.

— Последний раз ты называл меня Белкой, когда я...

Она не договаривает, но Тимур и без нее все помнит. Сырой подвал, перепуганная донельзя Белка и удушающий запах смерти. Он искал ее сам, потому что похитители пообещали ее отцу, что убьют ее, если тот скажет хоть слово ментам. И только когда она оказалась в безопасности, бандитов повязали. И теперь ее старое прозвище произвольно стало сигналом опасности для Инги. Тимур же назвал ее так по привычке. Хотя кое-что действительно случилось, вернее, кое-кто. Тимур бросает короткий взгляд на заднее сиденье, где спит Русалка, и нарушает затянувшуюся паузу.

— Мне нужна твоя помощь.

— Это отвратительно, Тим, — возмущенно шипит Белка, скрестив на груди руки. Он приехал к ней полчаса назад и изложил суть своей просьбы. И теперь она готова испепелить его не только словами, но и взглядом.

— Мне просто нужно знать...

— Да слышала я, что тебе надо знать, — скидывает ладонь, прося его замолчать. — И я не буду тебе помогать, Тимур.

Он смотрит на нее, такую красивую, и стискивает зубы. На ней светлый брючный костюм и туфли на шпильке, темные волосы собраны в пучок на затылке. И воспоминания о том, как он распускал ее волосы, пропуская мягкие локоны сквозь пальцы, стучит по вискам ноющей болью, как обручальное кольцо на ее безымянном пальце.

— Не ты, найдется кто-то другой, — дергает плечом и делает шаг к ней, застывшей в пороге кухни.

— Зачем, Тимур? — останавливает уже у кровати, где спит Русалка.

— Кто тебе эта девочка?

— Эта девочка, — Тимур оглаживает Русалку взглядом, подмечая,

как сведены брови на переносице и как плотно сжаты ее чувственные губы, а пальцы стиснуты в кулачки. Кошмары?

Тимур приседает на корточки рядом, подушечкой большого пальца разглаживает складку на лбу, проводит по аккуратному носику с россыпью веснушек, задевает нижнюю губу и та послушно приоткрывается, словно от долгожданного прикосновения. Тимур улыбается краешком губ. Пальчики Русалки разжимаются и она вся, еще мгновение назад натянутая, как тетива, расслабляется. Вот и прекрасно. Тимур убирает за ушко прядку ее волос и поднимается на ноги, чтобы тут же столкнуться с изумлением на лице Инги.

— Кто она, Тимур? — спрашивает вдруг просевшим голосом.

— Она...она мой ключик к Гурину, Белка.

— И все?

Она пытается поймать его взгляд, допрашивая, точно заправский следователь.

— А я разве на допросе? — намного резче, чем стоило. Но ему не нравятся ее вопросы.

— Я лишь хочу понять, Тимур, — смягчает голос, отступая.

— Не надо, Белка. Просто помоги и я уеду.

— Ладно, — вдруг соглашается. — Но если ты пообещаешь мне все ей рассказать потом...после...

— Инга, — ему становится смешно, — если бы я планировал ей рассказывать, она бы сейчас не спала.

— Ты не исправим, Тим.

— А ты только сейчас это поняла? — он удивлен.

Слишком много личного в их незатейливом диалоге. Слишком много прошлого, в котором они давно поставили жирную точку.

Инга не отвечает, коротко усмехнувшись, стягивает с плеч пиджак и уходит в ванную.

— Кофе себе сам сделаешь, — вернувшись в латексных перчатках, джинсах и темной водолазке, бросает она. Тимур на мгновение зависает на ней, такой простой и совсем домашней в этой одежде. Он успел забыть, что она бывает такой. И это выбивает почву из-под ног.

Он делает жадный вдох. — Я позову, если ты мне понадобишься, — словно не замечая его состояния. А может, и правда не замечает. Между ними давно и безнадежно распростерлась бездонная пропасть. И сегодняшнее его смятение – глупое стечение обстоятельств. Он просто слишком устал.

На кухне Тимур усаживается на стул, упирается затылком в стену и прикрывает глаза. Ждет. Кофе не пьет. И ни о чем не думает. Но стоит ему закрыть глаза, как она приходит сама, с рыжими взглядом, горящим злостью, с тугими локонами, в которые отчаянно хочется зарыться носом и дышать-дышать. не позволяет ему выпасть из реальности, хотя очень хочется. Неужели снотворное все-таки действует и на него? Нет, это не снотворное. Хуже. Он стряхивает наваждение, ерошит волосы и замечает Ингу, сидящую за столом напротив. У нее усталый вид, как будто она только что повстречалась, как минимум с чертом. И боль острыми когтями раздирает внутренности. Он резко встает, подходит к окну, пытается открыть окно, но пальцы дрожат и бешенство щекочет нервы. Ему не нужно слов, чтобы понять – он был прав. И он убьет суку Удава за то, что тронул Русалку.

Теплые ладони ложатся на его плечи. Он вздрагивает и цепенеет. Инга растирает его плечи, скользит ладошками ниже, растирая его закаменевшие мышцы, обнимает и прижимается к его спине всей собой. Он чувствует ее запах, полевых цветов и лета, и ее всю, такую нежную, мягкую и знающую его даже лучше чем он сам.

— Ты должен ее беречь, Тимур, — шепчет она, щекоча своим дыханием.

Он вдыхает обжигающий летний воздух – окно все-таки поддалось. Дрожащими пальцами впивается в подоконник.

— Она такая беззащитная и...

— Ты можешь сказать, откуда у нее все эти шрамы? — перебивает, не позволяя ей еще прочнее увязнуть в его бездне.

— Я могу лишь предполагать...

— Откуда? — и боль танцует на его внутренностях ту самую ламбаду.

— Скорее всего, от осколков. Как будто боком упала на грудку стекла. Понимаешь?

Он кивает. Да, он понимает. Еще как. И желание убить Удава уже не такое острое, потому что смерть для этого ублюдка – слишком легкое наказание.

— А вот на руке... — Инга смыкает пальцы в замок, сдавливая его живот, как будто хочет удержать на месте. — На руке она сама. Еще у нее ссадины наружных половых органов и только недавно зажившие разрывы... — она сглатывает, слова подбирает. — У нее был секс, Тимур. Жесткий и даже жестокий. И не только традиционный...

— То есть ее трахали во все дыры, верно? — циник в нем торжествует, а все остальное нутро выворачивает от тихого «да» Белки.

Если слова могут убивать, то Инга делает точный выстрел прямо в сердце. Тимур даже дергается и упирается лбом в стекло, потому что его череп раскалывается надвое. Его мозг отказывается принимать то, что она говорит. Ему больно. Охренительно больно от ее слов. Как будто она переломала ему хребет, вывернула кишками наружу и вышвырнула подышать. Он никогда не знал, что боль бывает настолько опустошающей. И что ее причиной станет маленькая рыжеволосая Русалка. Он вообще не понимал, почему ему так хреново. И ладони нестерпимо жжет. Он смотрит на них, в черной коже перчаток, и видит, как они горят. И это чертов огонь сжигает их до костей. В нос забивается вонь жареной плоти.

— Тимур... — голос Инги врывается в затянутое туманом сознание.
— Тимур...

— Все в порядке, — он снимает с себя ее руки. — Спасибо.

Возвращается в спальню, берет закутанную в плед Русалку на руки и уходит, чувствуя на себя тревожный взгляд женщины, что когда-то давно была для него целым миром. А сейчас...сейчас он держит на руках Русалку и задыхается от собственного бессилия и осознания, что это он...он сотворил с ней весь этот кошмар.

...— О, товарищ начальник, — скалится Удав, — какими судьбами?

Игнат смотрит на него, как на букашку, а Тимуру от одного вида этого хлыща тошно и помыться хочется. Черт, одергивает он себя, поймав на желании почесаться. Никогда брезгливым не был, а тут...И вроде бы место приличное: чистенько так и обставлено по картинкам новомодных журналов, но касаться ничего не хочется.

Игнат пропускает мимо ушей сарказм Удава. Достает из кармана фотографию и кладет на столик перед ним.

— Знаешь его?

Удав делает вид, что напрягает память, хотя Тимур по глазам читает, что узнал мажора он слету, а теперь артачится, цену себе набивает. Шутка ли, самый матерый опер города к нему пожаловал лично и без ордера на арест. Да еще и с Тимуром в компании. Крутов не сомневается, что Удав и его знает.

— Тимур Русланович... — расплывается в улыбке, как будто только замечает Тимура. Тот смотрит пристально и Удав тут же съеживается под этим взглядом. Тимур ухмыляется, довольный реакцией этого хлыща. Он ему не Игнат, ему плевать на законы, раздавит и не заметит. И очень хорошо, что Удав это понимает. Значит, разговор сложится. У него нет времени и желания искать другой вариант.

— Товарищ начальник, я...

— Давай без прелюдий, Кеша, — обманчиво мягко перебивает его Тимур. Удав кривится, услышав собственное имя. Не нравится оно ему, не по статусу. Поэтому Тимур и вворачивает его в диалог. — Этот парень должен стать твоим постоянным клиентом.

Удав постукивает пальцами по колену.

— Это будет не так просто. У этого парнишки «крыша» солидная, но...

— Не надо никаких «но», Кеша. Сроку тебе неделя.

— Только из уважения к вам, Тимур Русланович, — елеинным голосом растекается Удав. — И заметьте, товарищ начальник, — уже Игнату, — ничего не прошу взамен. Все сделаю в лучшем виде. Только координаты оставьте, о результате сообщить.

— Не переживай, Кеша, — ухмыляется Тимур, — через неделю мы тебя сами навестим.

— Даже не сомневайся, — добавляет Игнат, забрав фотографию Гуринского сыночка.

Уже в машине, когда они отъехали от квартиры, где выловили Удава после трехнедельных поисков оптимального решения, Игнат напрягается.

— Не нравится мне это, Тимур. Слишком легко Удав согласился.

— Плевать, — смотрит в окно, но ничерта не видит. Ему самому этот Кеша не понравился. Тимур прекрасно знал, что такие, как он, без личной выгоды ничего не делают. Но...сейчас главное, чтобы этот Удав все сделал, как надо.

Он сделал. Через неделю Влад Гурин плотно сидел на «герыче», а его папашка слег в больничку с инфарктом. И даже тогда Удав ничего не попросил в уплату за свою услугу, сказав, что мажорчик с ним сполна расплатился...

Тогда Тимуру было плевать, что получил Удав с Гурина-младшего. А сейчас, смотря на спящую в его постели Русалку, он знает, кем расплачивался мажорчик за каждый «чек».[1]

И желание хорошенько выпороть эту блаженную идиотку выкрашивает его бешенство в алые тона. Как можно было пойти на такое? Лечь под дилера и ради чего? Ради дозы брату? Бред...Чушь полная!

Он встает с кровати, подходит к окну, засунув руки в карманы. Он никогда не поймет причины, даже если все узнает. Никогда не примет ее решение, потому что это идиотизм чистой воды. На что она надеялась, продлевая агонию братца? Неужели не понимала, что это не помогает, а убивает его? И ее тоже убивает.

Черт! Не замечает, как взгляд снова возвращается к ней, свернувшейся клубком на самом краешке его огромной кровати. Оглаживает мягкие черты лица, разрумянившиеся щечки-яблочки, которые тянет потрогать, и влажные губы, слегка приоткрытые, такие манящие и чувственные. И за грудиной неприятно саднит, а пальцы чешутся от желания прикоснуться к ее мягкой коже. Тимур стягивает перчатки и проводит ладонью по оконному откосу, унимая зуд. Ощущая залатанной кожей каждое движение, колючками протыкающее до самого запястья. И потом долго смотрит на них, в заплатках ожогов, и не понимает...

Бросив на подоконнике перчатки, уходит из спальни, оставляя Русалку наедине с ее снами, уже не такими страшными, как в квартире Белки. На кухне берет нож и проводит острием по ладони. Еще и еще, пока на коже не проступают полосы крови. Только тогда становится легче, только тогда странный зуд откатывается под натиском жгучей боли. Тимур выдыхает, смотрит в белый потолок,

по которому расползаются причудливые тени, вытягивая из темных углов и его прошлое.

[1] Чек - доза наркотика (10г)

Глава шестая.

Скачано с сайта knigomania.org

Стася.

Меня будит удар. Сильный, точно в солнечное сплетение. Я задыхаюсь, скатываюсь с кровати, падаю на пол, больно ударившись спиной. Боль прошивает все тело, перед глазами разливаются радужные круги. Едва искры не сыплются. Закусываю губу, скрутившись клубком, часто дышу, чтобы хоть немного усмирить боль. Считаю до пяти.

Один, два, три...

На четыре комнату взрывает отчаянный мужской крик. Настолько дикий, что моя боль кажется ничтожной. Надрывный, острый, он пронзает меня, словно разряд высоковольтки. Закладывает уши и хочется бежать без оглядки, но я медленно поднимаюсь на этот крик, рвущий барабанные перепонки. Поднимаюсь и замираю, парализованная увиденным.

Тимур...

Он лежит на кровати неподвижно с открытыми глазами и кричит. Его лицо – перекошенная маска боли, страха и отчаяния. Пальцы вцепились в бедра с такой силой, что костяшки побелели, а на коже наверняка останутся синяки. Вот только это все ерунда.

— Тимур... — шепчу, потому что кричать не выходит, голоса нет. — Тимур! — зову, но он не реагирует.

Только дергается, как в конвульсии, одним мощным движением рвет простыню, при этом тупо смотря в потолок невидящим взглядом. Черт! Срываясь на хрип, истекая потом и слезами, он кричит и, что самое жуткое, спит.

— Тимур! — не долго думая, бросаюсь к нему, падаю на колени рядом с кроватью. — Проснись! Тимур, ты меня слышишь?! — толкаю его в плечо, перехватываю руку.

— Нет...нет...Пустите меня... — Тимур трясет головой, отмахивается. Удар сильный. Падаю на пол. Снова. Да что же такое, только и успеваю подумать, как лицо обжигает болью, в ушах звенит, темнеет перед глазами, а во рту появляется привкус крови. Зажмурившись, отползаю к стене, отираю с разбитой губы кровь. Глубоко дышу. Что ж за невезуха такая? Стону, прикрыв глаза и заткнув уши, потому что крик сводит с ума. Открываю глаза спустя долгие мгновения. Когда Тимур, наконец, стихает. Голос, что ли сорвал? Или кошмар отступил? Звон в затылке прекращается, комната больше не плывет, и Тимур спит спокойно.

— Что ж за жизнь такая дерьмовая, — шепчу я, по стеночке поднимаясь на ноги. Голова не кружится, только щеку печет и саднит губы. — Как же меня так угораздило вляпаться? На кой черт ты появился в моей жизни, Тимур Крутов?

Злясь и ругаясь, я нахожу кухню, петляя по дому несколько минут. И все-таки какой огромный у него дом, просто с ума сойти! И такой... пустой. Такое ощущение, словно он и не живет здесь. Провожу пальцами по полочкам в арке, что ведет в просторную белоснежную гостиную. На подушечках — серая пыль. Точно не живет, потому что на неряху он точно не похож — чистюля и одет с иголочки. Кухня у него не просто большая, она огромная и напичкана современной техникой под завязку. Усмехаюсь, ощупывая взглядом шкафчики. В одном из них обнаруживаю высокие стаканы. В один из них набираю воды и возвращаюсь в спальню. Долго примеряюсь, как бы половчее вылить воду на напряженное лицо Тимура. Хорошо хоть глаза закрыл. Это облегчает задачу, потому что смотреть в пустые, но живые глаза — жутко. Выдыхаю. Набираю полный рот воды, взбираюсь Тимуру на колени, развожу в стороны его неожиданно расслабленные руки в стороны, выплевываю воду в лицо и отпрядываю...

Тим.

...Тимур распахивает глаза, но некоторое время не может понять, где находится. Еще мгновение назад он пытался выбраться из горящего дома. Искал сестру, а после — выход. Задыхался. Вырывался от пожарных, пытавшихся остановить его. Он не мог бросить сестру. Не мог. А теперь...

Он обводит взглядом комнату. Все правильно. Его спальня. Его дом. Вчера днем он привез сюда Русалку, а вечером улегся спать рядом с

ней, потому что его тянуло к ней невыносимо. До зуда в обожженных ладонях. До ломоты в костях и необъяснимого желания в паху. А все, что было после – лишь кошмар. Он вытирает ладонью почему-то мокрое лицо и смотрит на Русалку.

Она сидит на его ногах. В рыжих глазах - страх. Он напугал ее своим кошмаром. На нижней губе кровь. Тимур осторожно касается раны.

— Это я? - спрашивает хрипло.

Русалка кивает и пытается улыбнуться, но тут же кривится, отдернув голову и облизав закровившую губу. И вся съеживается, готовая к новому удару. Что за хрень?

— Ты кричал, – объясняет она. — Я хотела разбудить тебя, но ничего не вышло. И вот... – она разводит руками. И снова морщится, замирает, выпрямив спину. И ее красивое личико искажает гримаса боли.

— Что? — он резко садится, обхватывает ее руками, точными движениями ощупывает спину. Русалка охает, когда он давит на поясницу.

— Упала с кровати, — нехотя признается она. — Ты...очень громко кричал.

— Испугалась?

Кивает.

— Прости, я не хотел, – шепчет он, лаская дыханием, втягивая ее запах. Большим пальцем гладит ее щеку. Она на секунду прикрывает глаза, затаив дыхание, а потом неожиданно улыбается.

— Конечно, не хотел. Это все кошмар. Не бери в голову. До свадьбы заживет. Кофе будешь?

И ловко спрыгивает с кровати, не дав и шанса остановить ее. На секунду застывает, прогибает спину, выдыхает. Тимур недобро качает головой.

— Хочешь, я сделаю тебе массаж? — выдает он без задней мысли. Хотя этих мыслей вагон и сотня маленьких тележек. И они отчетливо проявляются в его эрекции, натянувшей ткань домашних брюк.

— А ты умеешь? — ловит ее удивление и не сдерживает улыбки.

— Умею, — соглашается Тимур и встает на ноги, оказываясь рядом с

застывшей Русалкой. Она дышит часто-часто и облизывает губу, на которой то и дело проступает кровь.

— Но сперва я накормлю тебя завтраком.

Она мотает головой, отступая от него.

— Я не голодна, — но тут же краснеет, когда ее желудок издает красноречивые звуки голода.

— Твой желудок с тобой не согласен, — еще шире улыбается Тимур.

— Ты вообще когда последний раз нормально ела, Русалка?

Она неопределенно дергает плечом, а желудок уже выводит целые рулады моим словам о еде.

— Похоже, очень давно. Больница не в счет, — осаждает ее попытку возразить.

Русалка вздыхает, словно Тимур ее неизбежное зло.

— Мне бы в душ и одежду сменить, но у меня...

— Здесь ванная, — Тимур распахивает матовую дверь за спиной. — Там ты найдешь все необходимое. А я пока приготовлю завтрак. И да, — останавливает ее в пороге, когда она мышкой прошмыгнула мимо него, — дверь лучше не запирай, мало ли что.

И тут же ловит на себе испуганный взгляд загнанного зверька, которого вот-вот сожрет хищник. Надо же, а еще минуту назад выглядела воинственной валькирией, которой нипочем даже укрощение беснующегося мужика раз в пять больше нее.

— Русалка, — говорит мягко, не делая никаких попыток приблизиться, — я тебя не обижу, обещаю. Но ты еще слишком слаба и я не хочу тратить время на вышибание двери. Иногда оно бывает слишком бесценно.

Она смотрит на него во все глаза, в которых плещется страх и еще что-то, не поддающееся расшифровке, но дверь на защелку не запирает. Вот и славно.

Пока Русалка плещется в душе, Тимур на скорую руку соображает завтрак: омлет с ветчиной, овощной салат, бутерброды и кофе. И думает. О кошмарах, что так некстати нагрянули именно этой ночью. О Стасе, которая лихо вытянула из них, но попала под раздачу. Внутри все корчится от боли при мысли, что он ее ударил. Да, не

хотел и не понимал, но все же ударил. Тимур замирает с чашкой у окна, качает головой. Не нравится ему это чувство, потому что оно мешает здраво мыслить. Мешает ему закончить то, о чем он мечтал столько лет. Мешает. Русалка мешает, черт бы ее побрал. Растирает лицо и с удивлением смотрит на ладонь. Перчатки не надел, а они снова зудят и дергает, как нарывом. Раздражает. И Русалка...бросает взгляд в проем двери. Что она там так долго? Ставит чашку на подоконник и идет в спальню. У двери в ванную останавливается и прислушивается. Вода не шумит, и вообще за дверью странно тихо. Подавив острое желание вломиться внутрь, Тимур коротко стучит.

— Русалка, ты там в порядке?

— Все нормально, — отвечает спустя долгие три удара сердца. А еще через два открывает дверь и едва не утыкается носом в Тимура. Запрокидывает голову, встречаясь с его взглядом своим, рыжим, что солнце, и сейчас таким же теплым. Влажные волосы темными кудрями перекинута через плечо, затянутое тканью белой футболки. Длинные ноги, покоровшие его в первую встречу, надежно упакованы в спортивные брюки и цветные носки.

— Отлично выглядишь, — ни капли не соврав и стараясь не смотреть на припухшие от его удара губы. Хотя взгляд то и дело соскальзывает на них и мысли совсем не пуританские в голове. И его уж точно не смущает, что еще недавно на них была кровь. Он бы с удовольствием сейчас попробовал бы их на вкус, такие влажные и манящие. Сглатывает, мысленно призывая к спокойствию свои разбушевавшиеся гормоны.

Русалка смотрит на него широко распахнутыми глазами, а по щекам ползет румянец. И, похоже, он ее смущает и даже злит. Не то, как смотрит на нее Тимур, а то, как она реагирует на него. А то, что реагирует — Тимур видит. И он, в отличие от Русалки, просто кайфует от ее отзывчивости. Не знай он, что она пережила — уже сегодня сделал бы все, чтобы она оказалась в его постели. Потому что хочет он ее так, что яйца болят. Но еще больше Тимур хочет, чтобы она перестала бояться и просто улыбнулась ему, открыто, счастливо. Он хочет ее улыбку. А для этого она должна научиться ему доверять.

— Крутов, даже не пытайся, — вдруг фыркает она, растирает щеки. Он изгибает бровь, снова приглашая ее продолжать.

— Ты не в моем вкусе, — договаривает она.

Тимур широко улыбается, подхватив двумя пальцами кудрявую прядку, упавшую ей на лоб, прячет за ухо, с наслаждением ловя ее сорвавшееся дыхание.

— Стася, — произносит тихо, почти интимно, на уровне инстинктов зная, как она реагирует на собственное имя, — я никогда ни к чему никого не принуждаю.

— Значит, я могу уйти прямо сейчас? — так же тихо, норовя своим вопросом выбить его из колеи. Не дождется, потому что он заранее знает, что она спросит.

— Легко, — очерчивая контур ее скулы. — Ключи в замке. Могу даже такси вызвать.

Она не шевелится, уравнивает дыхание. Поразительное владение собой. Тимур усмехается, качая головой, и убирает руку, прячет в карман и даже отступает на шаг. Подальше от искушения. А то его выдержки надолго не хватит.

— И в чем подвох, Крутов? — хмурится, и в самом деле выискивая подвох. А у него пульс рвет артерии от ее голоса, крепкого, как коллекционный виски многолетней выдержки. Она вся как дорогое виски: выдержанная, крепкая и такая притягательная, что невозможно устоять.

— Никакого подвоха, Русалка, — пожимает плечами и она ловит каждое его движение. — Я действительно тебя не держу.

— Тогда я пошла, Крутов. Спасибо тебе за помощь, но я действительно ухожу.

— И даже не позавтракаешь? — делает попытку, хотя уверен на все сто — откажется и уйдет. По глазам видит — она уже что-то придумала, там, пока мылась в его ванной. Решила что-то для себя и пойдет до конца. Он уже кое-что успел понять об этой девчонке.

— Ты же знаешь, что нет, — усмехается она.

— Я провожу.

Русалка кивает. И он действительно ее провожает. На пороге вручает ей документы и ключи.

— Что это? — подцепляет пальчиком ключи.

— Ключи.

— Я вижу, Крутов, не идиотка.

В этом он мог поспорить, конечно, но молчит.

— Даже вижу, что от квартиры.

— Мне почему-то кажется, что идти тебе не куда, Русалка.

— Тебе кажется, Крутов.

— Да? Тогда как ты объяснишь отцу свое возвращение домой? Особенно после моего заявления о том, что ты моя жена.

— Никто тебя за язык не тянул, — огрызается.

— Верно. Но я, знаешь ли, привык отвечать за свои слова. К тому же, — скрещивает на груди руки, спиной прислонившись к стене напротив нахохлившейся Русалки. И желание сгрести ее в охапку и подмять под себя щекочет нервы. — У меня тоже есть свои принципы. И я не позволю своей жене слоняться по городу в поисках жилья.

— Я не твоя жена, Крутов.

Ох, ему бы не помешало успокоительное, потому что вид разозленной Русалки возбуждает до предела. И член в штанах реагирует молниеносно, наливаясь желанием. Тимур переступает ногами, пряча вздыбленный член в более удобной позе, чтобы не напугать девчонку неожиданной реакцией. Что-то ему подсказывает, что его эрекция не добавит ему бонусов.

— Кто тебе такое сказал, Русалка?

И наслаждается ее распахнувшимися в изумлении губками, когда она открывает свой паспорт.